

ЧЕЧЕНСКОЕ ОБЩЕСТВО *сегодня*

Остается только память...

События
Правосудие
Память жива
Депортации
Людские
судьбы
Детский мир
Таланты
Даймохк
Судьба артиста
Пьедестал

Совместный проект Prague Watchdog (Чехия)
и Центра экстремальной журналистики
Союза журналистов России

2(10)/2007

ЧЕЧЕНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Сегодня

<i>Зарета Осмаева</i> В ГРОЗНЫЙ ПРИШЛА ВЕСНА	2
<i>Хамзат Саидов</i> ПЕРВЫЙ ШАГ К СПРАВЕДЛИВОСТИ	3
<i>Муса Мурадов</i> РАМЗАН КАДЫРОВ ДАСТ ЧЕЧЕНЦАМ ВОЛЮ	2-3
<i>Саид-Хамзат Гериханов</i> ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ КРОВОТОЧИЛИ РАНЫ	4
<i>Иса Касин</i> ИМ НУЖЕН БЫЛ БЕРЕГ ТУРЕЦКИЙ... ..	5-7
<i>Тамара Чагаева</i> «ЭШЕЛОНЫ СМЕРТИ УВОЗИЛИ НАС В НИКУДА»	6-11
<i>Татьяна Гантимурова</i> РОВЕСНИЦА ВОЙНЫ	12-13
<i>Зара Гузуева</i> В РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЕ	14
<i>Зара Гузуева</i> МЕЧТЫ О СЧАСТЬЕ	15
<i>Амина Гелагаева</i> «ХОЧУ БЫТЬ РАЗНОПЛАНОВОЙ ПЕВИЦЕЙ»	16-17
<i>Эдильбек Мациев</i> ШАРО-АРГУН – ЗЕМЛЯ ОТЦОВ	18-20
<i>Саид-Хамзат Гериханов</i> ЗНАКОМЫЙ ЧЕЛОВЕК С ОБЪЕКТИВОМ	20-22
<i>Саид-Хамзат Гериханов</i> ЧТО НАМ СТОИТ ТОРС ПОСТРОИТЬ... ..	23-24

События

Правосудие

Память жива

Депортации

Людские судьбы

Письма

Детский мир

Таланты

Даймохк

Судьба артиста

Пьедестал

В ГРОЗНЫЙ ПРИШЛА ВЕСНА...

И новый президент Чеченской Республики

Весна в Грозном — это не просто время года. Это особенное состояние природы и людей. Вечно бодрствующий Грозный стал еще бодрее и свежее. А населяющие его горожане с радостью скинули с себя зимние одежды. Впрочем, зима в этом году не обременила грозненцев своим долгим присутствием. Весну в Грозном встретили народными гуляниями и стрельбой.

Поводом для радости стало назначение вот уже третьего в этом столетии руководителя чеченского государства. Интересно, что есть еще один повод для радости, о котором никто и не подумал: Алу Алханов стал первым президентом Чеченской Республики, которому не только удалось сложить полномочия жи-

вым, но и оставаться при этом в высших эшелонах власти.

Так случилось, что почти все военные кампании в Чечне начинались ближе к зиме, а к весне интенсивная фаза боевых действий подходила к концу. И, наверное, поэтому многие из нас с приходом весны ожидают чего-то необычного, чудесного... Необыкновенным чудом стали такие обычные для всех мир, труд, дороги, школы, конкурсы красоты.

Мы научились верить в невозможное. И это вера помогала сохранять присутствие духа на протяжении бесконечных военных лет. Эта вера помогает нам восстать из руин, невиданными темпами строить свой город-сад. Мы научились радоваться каждому восстановленному дому, застекленному окну, обилию синего пластика, красного шифера, окрашенным в зеленый цвет балконам. Мы гордимся тем, что это дело наших рук, так истосковавшихся по работе. Гордимся без оглядки на низкое качество, несоблюдение строительных норм и правил. Ничего, достроим, докрасим, дочистим...

Чеченцы научились быть благодарными. И это вовсе не абстрактное чувство благодарности. «Почему тариф на проезд по маршруту Шали — Грозный снижен вдвое?»

— спрашивают обрадованные пассажиры диспетчера. Тот отвечает: «Водители так решили...» Стоявший рядом водитель возмущенно поправляет: «Зачем неправду говоришь? Рамзан приказал!» И 16 пассажиров хором пожелали всех благ тогда еще премьеру Кадырову. А фраза: «Я пожалуйсь Кадырову» — действует безотказно в кабинете любого чиновника. Все знают, от «любви до ненависти» президента ЧР один стремительный шаг.

Грозненцы стали сплошь политически грамотными. И свое отношение к политике Кремля выражают танцами и стрельбой. В последнее время стрельба в небо стала интенсивнее, а танцы энергичнее. Вообще, странная связь установилась между дорогами моему сердцу городами — Москвой и Грозным. В Москве сердятся — в Грозном стреляют, в Москве улыбаются — в Грозном танцуют.

Между большой и малой столицей было все: и дружба, и войны, и вера, и предательство. Теперь эти взаимоотношения напоминают любовь, где до «ненависти», однако, все тоже расстояние — в один неверный «шаг».

Зарета ОСМАЕВА

РАМЗАН КАДЫРОВ ДАСТ ЧЕЧЕНЦАМ ВОЛЮ

Рамзан Кадыров заявил, что намерен добиться пересмотра уголовных дел в отношении выходцев из республики, которые оказались в российских тюрьмах по сфабрикованным обвинениям. Если Кадырову удастся выполнить свое обещание, то досрочно на свободу могут выйти более 6 тыс. жителей Чечни — примерно столько, по данным чеченских правозащитников, было незаконно осуждено с начала второй военной кампании.

С громким заявлением, которое в республике считали чуть ли не подготовкой к новой амнистии, Рамзан Кадыров выступил вчера в Грозном на совещании правительства. Он сообщил, что он получает много писем от отбывающих наказания в российских тюрьмах жителей Чечни, в которых они ставят под сомнение объективность вынесенных им приговоров и просят его содействия в пересмотре их дел. С такой просьбой к Кадырову, в частности, обратилась Зара Муртазалиева, отбывающая срок в одной из женских колоний в Мордовии. 21-летняя чеченка была приговорена в январе 2005 года к 8,5 года заключения, по обвинению в приготовлении к акту терроризма, незаконном приобретении взрывчатки и вовлечении в террористическую деятельность двух русских москвичек. «Эта девушка обратилась

ко мне за помощью, просит оказать содействие и перевести ее для отбывания срока в одну из колоний на территории Чеченской Республики. Я поручу заняться этим вопросом предметно», — пообещал Кадыров.

Впрочем, главная проблема, по словам Кадырова, не в том, где сидеть выходцам из Чечни, а насколько законно они находятся в местах изоляции. «Ни для кого не секрет, что многие чеченцы сидят за решеткой по сфабрикованным делам», — заявил Рамзан Кадыров, подчеркнув, что ему самому «известно несколько фактов, когда по ложным обвинениям сажали ни в чем не повинных людей, забирая их прямо из дома и 'наешивая' на них нераскрытые преступления». Многие осужденные, по мнению Кадырова, подписывали протоколы допросов зачастую из-за элементарного незнания русского языка.

Идею Кадырова — добиться пересмотра уголовных дел в отношении чеченцев — активно поддержал Уполномоченный по правам человека при президенте Чечни Нурди Нухажиев. «С осени 1999 года, когда началась вторая военная кампания, в российских тюрьмах оказались 12 тысяч жителей Чечни, по крайней мере половина из них при пересмотре их дел может рассчитывать на освобождение», — за-

ПЕРВЫЙ ШАГ К СПРАВЕДЛИВОСТИ

Верховный Суд РФ отправил дело Бислана Бадалова на новое рассмотрение

Президиум Верховного Суда Российской Федерации рассмотрел 31 января 2007 года надзорное представление Генеральной прокуратуры РФ, опротестовавшее кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 июля 2006 года в отношении Бислана Бадалова и его товарищей, и направил дело на новое кассационное рассмотрение в Тверской областной суд.

Напоминаем, что в июне 2003 года криминальными структурами г. Твери было организовано покушение на известного спортсмена и тренера Бислана Бадалова. В автомобиль, в котором он находился,

было подложено взрывное устройство. Только чудом Бислан остался жив.

Прибыв на место взрыва автомобиля, милиция ограничилась лишь возбуждением уголовного дела о порче имущества, словно речь шла не о покушении на жизнь человека, а о мелком хулиганстве. Но, как выяснилось впоследствии, даже по возбужденному делу милиция не предприняла никаких действий.

Бездействие правоохранительных органов вынудило Бадалова начать самостоятельные поиски людей, покушавшихся на его жизнь. Ему удалось выйти на преступников, которые во время встречи с Бисланом и его товарищами полностью признали свою вину. В суде есть аудио-видеозаписи этих признаний. Однако когда за дело взялись правоохранительные органы, сотрудники Вышневолоцкого ГУВД, все было перевернуто с ног на голову. В итоге виновной стороной оказался сам Бадалов, а преступники — в роли потерпевших. Впоследствии они вообще скрылись и больше ни разу не явились на судебные заседания.

Парадокс заключается в том, что обвинение, выдвинутое против

Бислана Бадалова и его товарищей, было инициировано именно сотрудниками милиции.

В прокуратуре Вышнего Волочка против Бислана Бадалова возбуждено уголовное дело. 14 сентября 2005 года Тверской областной суд признал его виновным в «вымогательстве, похищении и грабеже, совершенных организованной группой», и приговорил к 13 годам лишения свободы. Трех знакомых Бадалова суд приговорил к 11–12 годам содержания в колонии.

Адвокаты Бислана Бадалова с самого начала убеждали суд, что он — не преступник, а потерпевший, который самостоятельно решил расследовать взрыв своей машины. А самое большее, что ему можно инкриминировать — это самоуправство. Решение Тверского суда адвокаты сочли незаконным и направили жалобу в Верховный Суд РФ.

Таким образом, можно сказать, что на данном этапе в судебно-правовом споре одержана первая победа. И у защиты есть все основания полагать, что новое рассмотрение этого дела наконец-то приобретет справедливое очертание.

Хамзат САИДОВ

6 тысяч жителей Чечни было незаконно осуждено с начала второй военной кампании

явил Нухажиев. Он считает, что процесс пересмотра сомнительных приговоров в отношении выходцев из Чечни должен быть решен законодателями. Правозащитник настаивает на том, что Госдума России должна принять специальный закон о пересмотре уголовных дел в отношении чеченцев, осужденных в период проведения контртеррористической операции: «Шла война, силовики хватали всех подряд и многих без особых разбирательств потом этапировали в российские регионы и там же приговаривали, нарушая права подсудимых на защиту». Дела задержанных чеченцев рассматривались в Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском краях, пока в республике не восстановили судебную систему.

Между тем в прокуратуре Чечни к идее чеченских властей добиться пересмотра приговоров отнеслись скептически. «Этническая или территориальная принадлежность осужденного никак не может быть поводом для пересмотра уголовного дела. Для отмены вступившего в силу приговора существует единый порядок, и изменение его по политическим или иным мотивам вряд ли возможно», — заявил прокурор Чечни Валерий Кузнецов. При этом прокурор отметил, что его ведомство не располагает информацией о сфабрикованных

в отношении выходцев из Чечни уголовных делах: «Во всяком случае, к нам с такими жалобами никто не обращался».

Однако Кадыров уже распорядился сформировать в республике специальную группу, которая займется делами осужденных чеченцев. Он подчеркнул, что «привлечет для решения этой задачи опытных юристов и адвокатов, которые грамотно и в строгом соответствии с законом будут проводить все процедуры, связанные с пересмотром».

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу пересмотр вступившего в законную силу приговора возможен, если вышестоящая судебная инстанция (краевой, областной или верховный суд субъекта Федерации, а также Верховный Суд России) возбудит надзорное производство по делу. Тогда дело будет рассмотрено в президиуме высшего суда субъекта или в Верховном Суде РФ. Основанием для нового судебного разбирательства являются и так называемые новые обстоятельства, открывшиеся по делу. О них сообщить суду могут не только осужденные или его защитники, но и само обвинение.

Муса МУРАДОВ
(«Коммерсант»)

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ КРОВОТОЧИЛИ РАНЫ

Жертвы сталинских репрессий заслуживают того, чтобы о них помнили

Рассказывает Степан Кашурко

Фото: М. Патапова

17 февраля 2007 года в Московском Доме национальностей состоялся Вечер Памяти жертв депортации репрессированных народов СССР, посвященный 50-й годовщине репатриации кавказских народов.

Хотя организаторами Вечера Памяти были представители чеченской общины Москвы, они намеренно не стали акцентировать внимание на трагедии только своего народа. Ведь память о депортации — это общая боль, которая саднит в сердцах многих других народов России.

И не случайно ведущий мероприятия, председатель Общества чечено-ингушской культуры «Даймохк» Абуезид Апаев перед началом вечера пригласил на сцену представителей балкарской, ингушской, карачаевской, калмыцкой, немецкой национальных автономной российской столицы.

С особой благодарностью участники вечера приветствовали Степана Савельевича Кашурко — руководителя поискового центра «Подвиг» Международного союза ветеранов войны и вооруженных сил, бывшего порученца маршала Конева, благодаря неутомимой работе которого стали известны имена более сотни чеченцев и ингушей, геройски погибших во времена Великой Отечественной войны и считавшихся до последнего времени без вести пропавшими.

Степан Савельевич рассказал о том, как во время поиска погибших

воинов на берегу Десны он обнаружил останки двух кавалеристов в кавказских бурках с саблями. Тщательно исследовав останки, он нашел завернутое в непромокаемый медицинский пакет неотправленное письмо от отца и сына Газоевых, которое они собирались отправить своей жене и матери в высокогорное чеченское селение Хайбах. С этого письма и началось расследование, начатое Степаном Кашурко, которое закончилось обнаружением ужасающего преступления, совершенного сталинско-бериевскими палачами во время депортации чеченцев и ингушей. Именно благодаря усилиям Кашурко, его неустанному желанию добиться правды весь мир узнал о хайбахской трагедии, во время которой были заживо сожжены более 700 мирных жителей.

Когда Кашурко закончил свое повествование, зал долго стоя благодарил заслуженного ветерана своими аплодисментами.

Депортация нанесла незаживающую рану по достоинству кавказских народов еще и потому, что сталинская идеологическая машина подвела под свое преступление чудовищную инсинуацию, обвинив целые народы в предательстве. Об этом говорили в своих выступлениях заместитель председателя Комитета по межрегиональным связям и национальной политике Москвы Александр Назаров, профессора Явус Ахмадов и Андарбек Яндаров, президент ФНКА карачаевцев России Исмаил Джараштиев, председатель координационного Совета «Ингушского общественного центра» Дауд Хучиев, ветеран войны и труда Висир-Паша Ташаев.

Большой интерес у присутствовавших вызвало выступление доктора технических наук Исы Касина, который подготовил специальный доклад, красноречиво свидетельствующий об истинных причинах депортации кавказских народов. В этот вечер впервые были преданы огласке документы, согласно которым Сталин вынашивал план «исправления советско-турецкой границы» путем отторжения от Турции районов Карса, ранее принадлежавшего Армении, и Ардагана, принадлежавшего Грузии. Оба эти района вошли в состав Турции в 1921 году в результате Брест-Литовского мира.

Ниже мы приводим полностью доклад Касина. Это важно еще и потому, что до сих пор нерадивые историки и публицисты используют факт депортации как возможность в очередной раз использовать против наших народов замшелый ярлык «неблагонадежных наций».

Пожалуй, самым важным результатом состоявшегося вечера стало обращение, подготовленное участниками форума, на имя Президента России, Федерального Собрания РФ и ВПП «Единая Россия» о законодательном установлении ежегодного «Дня Памяти жертв репрессированных народов России». Думается, что принятие такого решения на самом высоком уровне не только станет данью уважения всем репрессированным народам, но и позволит облегчить души миллионов людей, чьи близкие и родственники стали жертвами этой страшной трагедии.

Саид-Хамзат ГЕРИХАНОВ

Фото: М. Патапова

ИМ НУЖЕН БЫЛ БЕРЕГ ТУРЕЦКИЙ...

Депортация кавказских народов в контексте советской геополитики

23 февраля исполнилась очередная – 63-я годовщина депортации чеченцев и ингушей. Однако выселение нашего народа было лишь очередным пунктом в чудовишном плане сталинских репрессий. Ставшие в последние годы доступными архивные документы раскрывают истинные причины этой преступной акции.

К сожалению, в российской историографии до сих пор не предпринимались попытки серьезно проанализировать причины столь массовой депортации кавказских народов. В самом деле, на первый взгляд непонятна избирательность сталинского руководства в отношении чеченцев и ингушей, карачаевцев и балкарцев, а также других кавказских народов. Обвинения в антисоветских настроениях и «пособничестве врагу», которые послужили основанием для депортации, не выдерживают никакой критики. Эти народы проявили массовый героизм в годы войны, и степень их «лояльности врагу» была не выше аналогичного показателя у других, как кавказских, так и славянских народов.

Следует отметить, что в 1943–1944 гг. сталинское руководство строило серьезные планы по активизации своей политики на турецком направлении. Этот год был ознаменован дальнейшим ужесточением политики СССР по отношению к Турции. В советском МИДе стали готовиться справочные и аналитические материалы, призванные обосновать и подготовить выдвижение территориальных претензий к Турции, пересмотреть положения Конвенции Монтрё 1936 г. по режиму проливов. Важно при этом отметить, что новый турецкий курс Москвы, в основе которого лежало стремление расширить советское влияние в зоне проливов и пересмотреть предусмотренные Московским договором 1921 г. границы, дополнялся масштабным планом сталинского руководства по созданию безопасной эт-

Потсдамская конференция, 1945 год

нической полосы вблизи границы между Советским Союзом и Турцией. Из Крыма, Северного Кавказа и Грузии в Среднюю Азию и Казахстан была осуществлена массовая депортация народов, подозреваемых в политической неблагонадежности в силу географической, этнической и конфессиональной близости к туркам: осенью 1943 г. была проведена тотальная депортация карачаевцев (70 тысяч человек), в феврале-марте 1944 г. – чеченцев и ингушей (490 тысяч человек), в марте 1944 г. были выселены балкарцы (41 тысяча), в мае 1944 г. – крымские татары, а также болгары и греки. С ноября 1944 г. по январь 1945 г. была осуществлена также депортация проживавших в Южной Грузии турок-мехетинцев, причиной которой стали, как отмечалось в докладе Л.Берии И.Сталину, их «родственные отношения с жителями Турции».

Рост военного могущества и политического влияния СССР как победившей державы объективно вел к увеличению радиуса его геополитических интересов. В отношении Турции эта закономерность приобрела еще более актуальный характер – на всем протяжении от Балтийского до Черного моря Турция была единственным государством, не попавшим в сферу влияния Кремля. Москва открыто давала понять, что ее позитивное отношение к Турции напрямую связано с территориальными уступками. Жесткая позиция Москвы вынудила Анкару обратиться в конце июня

1945 г. за помощью к США и Англии, которые активизировали свои усилия по выработке согласованной линии поведения по данному вопросу. В итоге «турецкий вопрос», за которым фактически скрывался вопрос о территориальных претензиях Москвы к Анкаре и ревизии Московского договора, стал одним из важнейших в повестке дня Берлинского (Потсдамского) саммита, на котором рассматривалось послевоенное будущее Германии и другие актуальные вопросы послевоенного миропорядка. Именно здесь советские лидеры, пользуясь существенно усилившимися международными позициями СССР после победы в Великой Отечественной войне, впервые после 1921 г. поставили перед союзниками вопрос об «исправлении» предусмотренных Московским договором советско-турецких государственных границ.

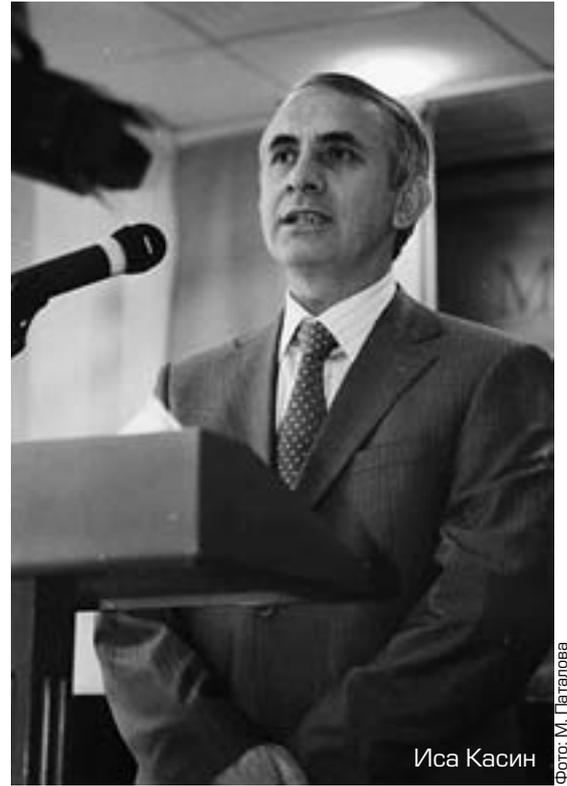
Позиция СССР по данному вопросу была сформулирована на состоявшейся 16 июля вечером – накануне открытия конференции – беседе советского народного комиссара иностранных дел Вячеслава Молотова с министром иностранных дел Великобритании Антони Иденом. Во время этой встречи Молотов, в ответ на затронутый по инициативе его британского собеседника вопрос о русско-турецких отношениях, заявил, в частности, следующее: «В 1921 г. турки воспользовались слабостью Советского государства и отняли у него часть Советской Армении. Армяне в Советском Союзе чувствуют ▶

себя обиженными. В силу этих причин Советское правительство и подняло вопрос о возвращении законно принадлежащих Советскому Союзу территорий». В ответ на высказанное британским министром мнение о том, что «турки не согласны на удовлетворение территориальных требований Советского Союза» (о позиции Анкары Иден был проинформирован во время его встречи с турецкими представителями в Лондоне, состоявшейся незадолго до конференции), советский нарком заметил, что «территория, о которой идет речь, не принадлежит туркам», которые «поступили несправедливо, отняв ее у Советского Союза».

Рассмотрение вопроса о территориальных претензиях СССР было продолжено 22 июля 1945 года на шестом заседании глав делегаций и мининдел трех стран и 23 июля на седьмом заседании глав правительств трех держав, на котором Сталин недвусмысленно заявил своим союзникам о намерении СССР вернуться к границам царской России. Коснувшись своего предложения об «исправлении» советско-турецкой границы, он подчеркнул, что «речь шла о восстановлении границы, которая существовала до первой мировой войны». «Я имею в виду район Карса, — заявил глава советской делегации, — который находился до войны в составе Армении (в составе Карсской области Российской империи; Армения появилась на политической карте региона 28 мая 1918 г. — Прим. авт.), и район Ардагана, который находился в составе Грузии (в составе Ардаганского округа Карсской области — Прим. авт.).

Итог дискуссиям по «территориальному вопросу» был подведен на этом же заседании президентом США Трумэнном, который заявил, что данный вопрос «касается только Советского Союза и Турции и должен быть решен между ними». Перенос данного вопроса с повестки дня международной конференции на двусторонний советско-турецкий уровень означал, что США и Великобритания отказываются оказать давление на Турцию и обеспечить международную поддержку советским требованиям в вопросе Карса и Ардагана.

В целом, при рассмотрении в Потсдаме «турецкого вопроса» союзники Москвы выступили против попытки Сталина добиться расширения советской территории за счет территории соседнего государства. Возросшие амбиции Сталина, который к этому времени довел границу геополитического влияния Москвы до Центральной Европы, открытые призывы советского вождя к восстановлению довоенных (1914 г.) границ Российской империи, за которыми скрывалось в том числе его стремление избавиться от унижения Брест-Литовского мира, попытки Москвы изменить режим черноморских проливов, включая создание здесь советских военных баз, и, в целом, возрождение великодержавных тенденций во внешней политике

Иса Касим

Фото: М. Патапова

СССР, находившегося после победы 1945 г. в зените своего международного могущества, — все эти факторы вкупе с реальной военной мощью Москвы уже не просто настораживали Вашингтон и Лондон, но и звали их к активным ответным действиям, а кое-где и к жесткому противодействию. Вторая мировая война подходила к концу, и вместе с ней завершалась история особых союзнических отношений между тремя ведущими участниками антигитлеровской коалиции.

Бескомпромиссное давление СССР на Турцию было расценено в США и Европе не только как по-

«ЭШЕЛОНЫ СМЕРТИ УВОЗИЛИ НАС В НИКУДА»

Годы, проведенные в резервации, до сих пор бередят их сердца

Шестьдесят три года назад в феврале месяце с вайнахским народом произошла трагедия, о которой заговорили только спустя полвека. Поголовное выселение людей по этническому признаку, впоследствии квалифицированное как геноцид, нанесло непоправимый ущерб многим последующим поколениям.

Вот как вспоминают те события сами очевидцы трагедии, кто в ранней юности на себе испытал все ужасы геноцида. Через всю свою жизнь пронесли они эту

боль, не смея поделиться с нею даже с самыми близкими для них людьми, родившимися уже после выселения.

Перед вами воспоминания трех свидетелей выселения. Это люди примерно одного возраста — период выселения их застал в ранней юности. Это Сацита Магомадова из Шатоя, Адиз Асталов из Саясана и Нура Цутиева, которая в данное время живет в Нью-Йорке.

Сацита Магомадова:

Поначалу все, что происходило в селе, мы, подростки, воспри-

нимали как некую забаву. Мальчишки облепили несколько машин — в селе, где обыкновенный трактор был в диковинку, появление «студебеккеров» было явлением чрезвычайно интересным.

Помню, меня что-то заставило вернуться домой с пустыми ведрами — то ли растерянные лица взрослых, то ли какая-то необъяснимая внутренняя тревога, больно сдавившая сердце. Еще с порога услышала:

— Тебе это не понадобится. Бери вот это!

пытка включить ее в сферу своего влияния, но и как стремление Москвы расширить с помощью «турецкого плацдарма» свое военное и политическое влияние в Средиземноморье, в регионе Ближнего и Среднего Востока. Руководящие политические элиты Запада более активно стали высказываться за необходимость формирования стратегии сдерживания Советского Союза. 22 февраля 1946 г. посол США в Москве Джордж Кеннан в своей знаменитой «длинной телеграмме» призвал свое правительство оказать противодействие растущей экспансии СССР и рассматривать его не как союзника, а как соперника. А Черчилль 5 марта в своей знаменитой Фултонской речи прямо заявил, что Советская Россия «хочет сорвать плоды победы и, безраздельно пользуясь своей силой, широко распространять свои теории...».

В октябре 1946 г. глава Управления Ближнего Востока и Африки Госдепартамента США Хендерсон в своем секретном меморандуме указывал на то, что политические последствия установления военного контроля СССР над Турцией приведут к крайне болезненным последствиям для США в Средиземном море, регионах Ближнего и Среднего Востока. Он считал необходимым в связи с этим оказать ей дипломатическую, моральную, экономическую и военную помощь.

В результате сталинской дипломатии не удалось результативно разыграть «карту союзного договора» и добиться от Турции территориальных уступок.

Лишь после смерти Сталина в Москве в рамках начавшегося процесса переосмысления сталинской

внешней и внутренней политики созрели условия для проведения более реалистичного курса на турецком направлении и отказа от территориальных требований к стране, которая к этому времени уже была полноценным членом НАТО. 30 мая 1953 г. советское правительство в своей ноте правительству Турции окончательно заявило о своем отказе от требований по пересмотру границ с Турцией.

Таким образом, судьба кавказских народов в этом регионе в очередной раз была драматическим образом predetermined его географическим нахождением рядом с Турцией, этнической и конфессио-

нальной близостью к туркам. Этот фактор в условиях возрождавшегося советско-турецкого соперничества в регионе и в контексте укрепления советским руководством закавказских границ СССР диктовал, в соответствии со сталинской стратегией, необходимость укрепления этнически однородного облика территории Северного и Южного Кавказа за счет массового переселения и депортации чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, турок-месхетинцев, азербайджанцев и других народов.

Иса КАСИН, профессор,
доктор технических наук

СПАСИБО ЗА ПАМЯТЬ!

Мы, оказавшиеся по воле судьбы на чужбине, внимательно следим за событиями, происходящими на Родине.

С особым волнением, смешанным с болью и надеждой, отслеживаем все, что делается по восстановлению справедливости в отношении депортированных народов.

Спасибо вам, лучшие дочери и сыны многострадальных народов России, за вашу справедливость и глубокую порядочность.

Спасибо вам за чувство сострадания к униженным, оклеветанным, погибшим от холода, голода и безысходности в холодных скотских вагонах на дороге смерти.

Спасибо от имени тех, кто навсегда остался лежать в заснеженных степях Казахстана, умерших тоскуя по Родине, без всякой надежды когда-нибудь ее снова увидеть.

Спасибо от имени уже второй раз репрессированных ингушей, лишившихся родных очагов, изгнанных с родной земли, где их предки проживали в течение тысячелетий. От тех, кто уже умер с единственной несбывшейся мечтой — быть похороненными на родных кладбищах.

Спасибо за надежду, которую вы вселяете в наши изболевшие сердца, что справедливость все равно когда-нибудь восторжествует.

Храни вас Бог.

Марет ЦАПОЕВА, доктор наук по истории религий,
Париж, Франция

Раздался глухой стук отброшенной в сторону швейной машинки. Отчетливо помню растерянное лицо мамы и сердитый профиль солдата, протягивающего ей кукурузный чурек.

Потом были скорые сборы под окрики военных. Я кинулась собирать младших братьев и сестер. Одежды на всех не хватало. Особенно плохо было с обувью. Самого младшего, трехлетнего брата мы просто завернули в одеяло — оно служило ему и одеждой, и обувью. Остальных одели во все, что можно было на них натянуть.

Потом была долгая дорога из Шатоя в Грозный. Было холодно. Мы кутались во что попало и жалась друг к другу. По прибытии в город нас погрузили в вагоны — холодные, мрачные помещения. Пахло навозом. Говорят, в этих самых вагонах перевозили скот.

На железнодорожной станции нас долго держали без еды и питья. Снаружи доносился шум — это к нашему эшелону подвозили людей из других сел республики. Взрослые тихо переговаривались друг с другом, иногда в вагоне раздавался надрывный ▶

плач детей и глухой шепот пожилых женщин, обращавшихся к Всевышнему с мольбой о милосердии.

Это был очень тяжелый, изнуряющий путь, полный трагизма и лишений. Через несколько дней в нашем вагоне появились больные. Люди надрывно кашляли, у многих была высокая температура, и они металась в бреду. Во время коротких остановок люди просили прислать доктора, на что военные отвечали: «Не положено».

Через неделю в нашем вагоне умерла женщина. Женщины плакали. Плакали громко, жалуясь на свою несчастную долю, на разлуку с родиной, на неизвестность, которая их ждет впереди. Глядя на них, всхлипывали дети, прижимаясь к матерям. А старики молчали.

— На все воля Аллаха, — говорили они.

И молчали.

В сутки на каждого человека давали черный кусок хлеба, одну ржавую селедку и железную кружку воды. После селедки хотелось пить. Одной кружки воды было недостаточно. Мучила жажда. Поэтому люди старались не есть селедку.

Около месяца длился наш путь. Многих оставили в пути: тела умерших оставляли у железнодорожных полотен. Обычно поезд останавливали в темное время суток. Тело человека выносили и под окрики военных укладывали вдоль полотна. Хоронить не разрешалось. В это время в вагоне раздавался громкий женский плач. Позже стали снимать с поезда больных. Это обычно происходило у какого-нибудь населенного пункта. У вагонов появлялись санитары с носилками и больного уносили. Если родственник вызывался остаться с больным, тут же раздавалось грозное:

— Не положено!

Закрывались двери вагона, и поезд уносил нас дальше, в неизвестность.

Наша семья оказалась на севере Казахстана — в Актюбинской области. Здесь очень суровые зимы — иногда снега наваливало столько, что окна в приземистых избушках закрывало.

Нас выгрузили прямо на снег, а потом мы долго, очень долго ждали человека, который должен был нас вывезти в село. Младшие дети болели, все мы обессилели от голода и холода, который нас преследовал в течение трехнедельного пути.

В первый же год пребывания на новом месте умерли наши родители и три сестры. Остались мы втроем: старшая сестра — ей было 17 лет, брат, которому к тому времени исполнилось четыре года, и я. Мне в ту пору было пятнадцать лет. Я не знаю, как нам удалось выжить...

Адиз Асталов:

Этот день для чеченского и ингушского народов готовился скрытно, очень тщательно и в строжайшей секретности. Все было продумано до мелочей. Чтобы людей не настораживало присутствие в республике большого количества внутренних войск, предлог придумали вполне благовидный: для обучения солдат методам ведения военных действий в горной местности.

Я в тот период работал заместителем председателя Саясановского райисполкома и по долгу службы знал о предстоящем выселении чуть больше, чем остальные мои земляки. О том, что будут высе-

лять, я даже в самом кошмарном сне не мог предположить. Хотя наличие в республике большого количества военных настораживало и тревожило не только меня. Численность военных в несколько раз превосходила взрослого население — на каждого взрослого мужчину приходилось чуть ли не по три солдата.

Люди на самом деле вполне искренне верили, что войска на территории республики сосредоточены именно для обучения методам ведения военных действий в горах, и старались во всем помогать им. Солдаты и офицеры были рассредоточены в домах местных жителей, которые очень доброжелательно относились к ним, кормили и поили, старались создать для них максимальные удобства.

Кроме воинских частей в каждом населенном пункте находились работники НКВД, присланные за два-три месяца до выселения. Все они были в гражданском. Свое присутствие в селах объясняли служебной надобностью: они занимались подсчетом скота, жилых домов и другого имущества. Кто мог возразить против такой важной государственной задачи? Люди вроде занимались вполне мирным делом — вели учет всего движимого и недвижимого имущества, чтобы, как они объясняли, «иметь точные данные народнохозяйственного учета».

Тогда, как и сейчас, я часто задумывался над тем, откуда взялся этот миф о многочисленных бандитах, обитавших в горах, и бандитских группировках, мечтавших о захвате Кавказа фашистами. И пришел к мнению, что в Чечено-

Ингушетии этот миф активно подпитывался многочисленными «фактами», отправляемыми в центр. Поделюсь некоторыми своими соображениями о том, какую цель преследовали нарком внутренних дел республики Султан Албогачиев и его подчиненные районные начальники органов НКВД, докладывая заведомо завышенные данные о бандитах и их группировках. Они просто выслуживались, показывая, в каких трудных и чрезвычайных условиях им приходится работать, вымаливали для себя чины и привилегии.

22 февраля 1944 года, после обеда, ответственных работников района, а также представителей воинских подразделений, расквартированных в селах, собрали в райкоме партии. На совещании выступил генерал госбезопасности

полагается расстрел без суда и следствия. Из дальнейших инструкций генерала госбезопасности мы узнали, что каждый из ответственных работников района вместе с военными должны отправиться в села в качестве переводчиков. Меня определили в селение Алерой.

Уснуть в ту ночь мне так и не удалось. На второй день, 23 февраля, мы встали чуть свет. К тому времени солдаты уже сгоняли людей на сельскую площадь под предлогом того, что должен состояться митинг по случаю Дня Красной Армии. Когда площадь заполнилась людьми, вокруг по периметру поставили пулеметчиков и автоматчиков. Капитан, «командовавший парадом», выступил перед собравшимися и объявил, что чеченцы и ингуши решением Политбюро ЦК ВКП(б) и Советского правительст-

го, что я переведу его вопрос. Тогда Вара спросил меня:

— Вы тоже едете с нами?

Я ответил:

— Да, мы поедем вместе.

— Тогда ничего, — сказал Вара.

Видимо, он подумал, что нас оставляют дома, а их выселяют.

Затем капитан отправил меня верхом на армейской лошади в сопровождении солдата в село Саясан.

23 февраля 1944 года все чеченцы и ингуши были подвезены к железнодорожным станциям и погружены в товарные вагоны.

По дороге следования, не выдержав суровых испытаний, умирали больные и пожилые люди. Их выносили из вагонов и укладывали прямо на снег — на срезание собакам. Хоронить не разрешали. В пути были созданы ужасные, невыносимые условия. Вагоны охранялись вооруженными солдатами. Выходить из вагонов никому не разрешалось. Самые тяжелые испытания ложились на девушек, которые, стесняясь мужчин, не могли в вагоне справлять свои естественные нужды. В результате этого было немало случаев, когда они погибали от разрыва мочевого пузыря.

Не лучше было положение выселяемых и по месту их прибытия. Людей выгружали прямо на снег и оттуда развозили по колхозам и совхозам. На местах нас никто не ждал, соответственно не было и условий для проживания — обустроиваться приходилось самим. Людей в массовом порядке заселяли в животноводческие помещения, в конюшни.

В первый год выселения умерло очень много людей. Основные причины гибели — голод, холод, перемена климата. Люди погибали целыми семьями. Они были истощены до предела, для их спасения органы власти ничего не предпринимали. В тот год я потерял мать — она умерла от тифа, погибли многие родственники. Чаще всего погибали старики и дети.

По истечении некоторого времени отношение к нам у местного населения изменилось. Они узнали, что чеченцев и ингушей оклеветали, что они не воры, не бандиты, не людоеды, каковыми нас представляли местному населению, а такие же нормальные люди, как и они сами. Отношение к нам стало меняться. Многие семьи подружались между собой, помогали

(его фамилию я запомнил), который в своем кратком выступлении проинформировал собравшихся о том, что Политбюро ЦК ВКП(б) и Советское правительство вынесли решение выселить чеченцев и ингушей на другое место жительства с формулировкой — за измену Родине.

Помню, как только он произнес эти слова, у меня волосы на голове стали дыбом, и я ощутил, как шапка на голове заметно приподнялась. О таком явлении я только слышал, а теперь ощутил это на себе — настолько чудовищным было то, что в эту минуту прозвучало из уст генерала госбезопасности.

Он не сказал, когда это произойдет, но предупредил, что за разглашение данной информации до особого распоряжения органов НКВД

ва поголовно выселяются на новое место жительства. И снова прозвучала эта чудовищная формулировка — за измену Родине.

Установки были такими: срок на подготовку — три часа. Разрешается брать с собой пищу, постельные принадлежности, одежду. Мужчины домой не отпускаются. Женщинам надо собраться в дорогу с детьми, а мужчинам будет разрешено присоединиться к ним при отправке в путь.

Я все это переводил на чеченский язык. Глубокий старик по имени Вара попросил меня сказать капитану, что он не может ехать — он старый и его сын служит в армии. Я сказал Варе, что это собрание не похоже на те собрания, которые я проводил здесь раньше, так что ничего не изменится от то-

и оказывали друг другу необходимую помощь и поддержку.

Нура Цутиева:

Двадцать третьего февраля 1944 года ясным солнечным утром я шла в школу на занятия с детьми. По дороге в одном из домов резко постучали в окно — встревоженные женщины делали мне знаки, приглашая зайти к ним на минутку. Это были наши дальние родственницы.

Когда я вошла в дом, они, перебывая друг друга, сбивчиво стали рассказывать о предстоящем выселении. Оказывается, их соседи кто-то уже успел предупредить.

Помню, как сказала им:

— Успокойтесь, не могут же всех вот так взять и выселить. Возможно, есть люди, которых в чем-то подозревают... При чем тут вы?

В это время вошли трое военных. Я поняла, что двое из них, судя по погонам, были старшие по званию, и с ними один солдат. Один из старших чинов, с ходу, не глядя ни на кого, требовательно произнес:

— Быстро собирайтесь! Можете взять с собой самое необходимое из одежды, а также кое-что из постели. Вещи соберите в узел. Скоро подъедут машины, надо сразу же загружаться. Есть указ о вашем выселении.

Уловив смысл сказанного, мать и две дочери возрастом младше меня, а также сын-подросток (глава семьи умер несколько лет назад) в голос зарыдали. Я постаралась их как-то успокоить, предложила им свою помощь и принялась собирать вещи в узел. Когда женщины немного успокоились, говорю военным:

— Мне нужно домой. Я живу не здесь.

Старший из них прикрикнул:

— Нельзя никуда!

Переждав несколько минут, я снова попыталась спокойно объяснить им ситуацию:

— Я шла в школу на занятия с детьми. Вот ученические тетради. Дома у меня мать, младшая сестра, племянница — дочь погибшего на фронте брата. У нас есть все документы.

Немного погодя старший из военных велел солдату сопроводить меня до дома. На улице было очень много военных. Переступив порог нашего дома и стараясь держаться спокойно, говорю маме:

— Видно, все-таки собираются всех выселять. Мама, ты не беспокойся. Твои дочери уже взрослые, здоровые, грамотные. Не пропадем.

В это время к нам вошел военный лет пятидесяти, представился капитаном. Одет он был в черный кожаный плащ. Сначала спросил, есть ли в доме мужчины. Я принялась объяснять, что отец наш давно умер, а брат погиб на фронте. Он присел на стул,

Мы вынесли свои узлы к указанному месту, а сами вернулись в комнату: здесь было теплее, хотя с самого утра в доме так ни разу и не затопили. С собой мы оставили небольшую чемодан, в котором находилась одежда, а главное, наши документы и фотографии, в том числе письма брата с фронта и из госпиталей.

Находиться дома я не могла. На душе было беспокойно. Выйдя во двор, услышала со стороны соседей громкий плач. Во дворе двоюродного брата плакали женщины. Я быстро прошла к ним и увидела, как небольшого роста лейтенант своим истощенным криком напугал мать и дочь.

— Что вы так кричите!? Вы что, не видите, что они вас не понимают? Они не знают русского языка!

Во второй половине дня по центру села прошла целая толпа людей, увешанная рюкзаками. Выселяе-

достал из полевой сумки большой лист бумаги и зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому весь народ предстояло выселить. Затем принялся рассматривать наши документы — письма погибшего брата, его фотографии, затем перевел взгляд на его дочь.

— Думаю, что разберемся с вами, и вы вернетесь на родину, — произнес он и замолчал.

Мама в растерянности бралась то за одну вещь, то за другую, выходила на кухню, затем снова шла в комнату. И так — несколько раз. Военный, заметив ее растерянность, посоветовал:

— Соберите что получше из одежды, возьмите постельное белье и еду дней на десять.

мы догадались, что эти люди должны были заселиться в наши дома, в их владение переходило все, что было нажито нами за всю свою жизнь.

День клонился к вечеру, когда в село въехали открытые грузовые машины. Первыми на машины подняли маленьких детей и стариков, потом в кузова машин стали подниматься остальные. Нас повезли на железнодорожную станцию, к вагонам товарного поезда. Когда выгрузились около вагона, в котором нам предстояло ехать, снег повалил крупными хлопьями. На сердце стало невыносимо тяжело.

В нашем вагоне разместились 120 человек. Всю ночь до шести часов утра поезд простоял на желез-

нодорожных путях. Когда рассвело, в два крошечных окна стал проникать свет. Люди принялись разбирать свои вещи.

Двери снаружи были плотно закрыты, и открыть их могли только военные, сопровождавшие нас. В первый день нашего пути, когда солнце стало заходить за горизонт, где-то в степи поезд остановился. Нам разрешили выйти на один час. Выйдя из вагона, мы с трудом узнавали друг друга — все были черные от угольной пыли (в этих вагонах обычно перевозили уголь). Умылись кое-как талой водой, но выглядеть лучше не стали — угольную пыль непросто было оттереть с лица.

В вагонах появились больные, а спустя несколько дней мы узнали, что начали умирать обессиленные в пути старики. Их хоронили здесь же, в степи, недалеко от вагонов. Когда мы были в пути уже более двух недель, поезд иногда останавливался на окраине какого-нибудь населенного пункта. Мы слышали, как медицинские работники снаружи выкрикивали:

— Есть больные?

В вагоны они, конечно, не входили: там, вне узкого и душного пространства вагона, был другой мир, и мало кто из этого мира осмеливался ступить на «нашу» территорию. Больные уже были во многих вагонах. Но кто оставит родного человека, понимая, что никогда больше его не увидит, не сможет его похоронить, даже узнать, где он похоронен. Так и везли в вагонах своих больных родственников, а позже — и умерших... Я знала, что в соседнем вагоне женщина везла в чемодане своего трехмесячного сына-первенца. Мальш умер от переохлаждения.

За неделю до нашего приезда на место назначения очень тяжело заболела наша мама. Она лежала в углу вагона с высокой температурой, ослабевшая от бесконечного, невероятно трудного пути, от всех несчастий, выпавших на нашу долю, и от той неизвестности, которая ждала нас в чужом краю. Мы все понимали, что она беспокоилась не за свою жизнь, а за нас, своих детей и внучку.

На второй день болезни мама не могла говорить. Я смотрела на нее и ничем не могла помочь. Я даже не могла протянуть ей кружку горячей воды, чтобы она изнутри оттаяла от этого вселенского холода. Уходя в другой угол вагона, я выплескивала накопившиеся слезы и возвращалась к ним, пряча покрасневшие глаза. Я была старшая, а значит, была в

ответе за остальных. Но что я могла сделать в этом замкнутом пространстве? В таких условиях, когда даже не было условий помыть голову, а у всех женщин были очень длинные волосы. Можно себе представить, что творилось с людьми в течение целого месяца пути.

Наконец 22 марта в 11 часов дня нам разрешили выгрузиться в городе Лениногорске Восточно-Казахстанской области. Стояла настоящая снежная зима, с холодами под стать сибирским. Надо было видеть эту картину: ослабевшие в пути переселенцы, еле передвигая ноги, выносили своих больных. Соорудив прямо на снегу что-то в виде ложа, бережно укладывали их. Вдоль длинного состава почти у каждого вагона лежали больные и умершие. Мы все сгрудились около мамы, стараясь согреть ее своим теплом и убежать от пронизывающего холода.

Помню, к нам подошли три русские женщины:

— Скажи, дочка, за что это вас выслали?

— Мы не знаем, за что нас выслали, — были мои самые первые слова, которые смогла выговорить сквозь замерзшие губы.

Участливый взгляд и сострадание в глазах этих женщин сделали свое дело: я поделилась с ними теми мыслями, которые терзали мне душу всю дорогу. За какие такие преступления можно было выслать целый народ — не единицы и даже не отдельные семьи, а целый народ! В такое лихое военное время, когда на фронте нужны солдаты, когда вот этот самый длинный состав мог бы послужить приближению победы над врагом, а эти люди, сорванные с родных мест, мог-

ли бы принести пользу фронту. А тем временем многие наши мужчины мужественно сражались на фронте, часть их погибла и осталась на поле сражений. Пример тому — единственный сын моей матери, которая в эти минуты лежала на жалких тряпках на казахстанском снегу.

— Мы тоже выслали, как кулаки. Сколько наших погибло в тюрьмах и лагерях, умерло от болезней. С тех пор и живем здесь. Поверьте, мы вам очень сочувствуем, — женщины, кутаясь в нехитрую одежду, вытирали слезы.

С большим трудом нам удалось подвезти маму к больнице. Кругом было очень много людей, ожидавших приема. Оказывается, чуть раньше нас сюда прибыл еще один эшелон. Среди выселяемых разразился тиф. Многие больницы перевели в режим инфекционных. Мест катастрофически не хватало. Помню, как, сдерживая рыдания, пыталась уговорить главного врача больницы принять маму. Врач шел быстрым шагом из другого корпуса, торопясь зайти в здание больницы. Помню, он бросил на ходу:

— Сюда нельзя!

Я не сразу заметила, что держу его за халат и, забегая вперед, пытаюсь объяснить, что у нас никого не осталось, кроме мамы. Мне казалось, что я стою в густом тумане, и нет никакого выхода. И вдруг отчетливо услышала слова:

— Занесите ее мать!

Я всю жизнь с величайшей благодарностью вспоминаю этого врача: в самый трудный момент он не оставил нашу маму под открытым небом.

Записала Тамара ЧАГАЕВА

РОВЕСНИЦА ВОЙНЫ

Рассказ о девочке Джамили, которая родилась смерти вопреки

— Мне часто снится сон, как будто я иду на занятия в университет. Осень, в сквере у главного корпуса аллеи желтые от кленовых листьев. Я тороплюсь, потому что опаздываю на первую пару. Подбегаю к двери, пытаюсь открыть двери — и никак. Слышу — звенит звонок, я стучу — никто не открывает. Бегу к воротам, думаю — зайду в корпус со стороны спортзала. Но там тоже все закрыто. Возвращаюсь назад, а вместо главного корпуса — одни развалины... Такой вот сон.

...Малика Темирсултанова закончила школу № 16 Грозного лишь с двумя четверками и в том же 1991 году легко поступила на филологический факультет университета. Но студенткой она пробыла всего два месяца.

— Украл ректора Кан-Калика, убили пытавшегося заступиться за него проректора Бислиева... Мы жили в поселке Мичурина, на занятия ездить далеко. В городе начались беспорядки. А тут еще пропали две девочки из нашего поселка. Тогда отец сказал: «Я с утра до ночи на работе (он водителем работал), братьев у тебя нет, чтобы встречать — провожать из университета. Так что сиди пока дома. Станет в городе спокойнее, тогда будешь ходить на занятия».

— У нас в семье семь девчонок. Я — старшая. Единственный брат Магомед-Салах родился в 1993 году. Если раньше в нашем поселке у всех почти калитки допоздна были нараспашку, то с осени 91-го незаметно во всех домах поселился страх, — вспоминает Малика. — Чуть стемнело — все, на улицах никого нет, ворота на запорах. Младшие сестренки Хава и Мадина учились во вторую смену. К зиме и они перестали ходить на занятия. Я с ними дома занималась.

Со своим будущим мужем Умаром Малика познакомилась совершенно случайно. Он ошибся номером и позвонил им домой. Потом он уже специально набирал номер этого телефона. Знакомство по телефону длилось почти полгода. Малике и хотелось увидеть этого парня, с которым она подолгу беседовала по телефону, и в то же время боялась — а вдруг наяву он окажется не таким, каким она себе его представляла. Встреча произошла неожиданно и для Малики, и для Умара. Она повела двух младших сестренок в поли-

клинику. Долго объясняла непонятливой девчонке из регистратуры, где искать карты сестер. А Умар привез к врачу племянника. Он стоял рядом и невольно прислушался к их разговору. «Ты — Малика?» — неожиданно спросил он девушку. Через полгода, в апреле 1994 года, они поженились и стали жить на съемной квартире на улице Грибоедова.

А потом началась война, по улице Грибоедова шли танки. Один танк подорвали, и башня от взрыва боекомплекта упала на крышу их дома. В городе оставаться было опасно, решили выбираться в Аргун, где жили родители Умара. Сначала шли пешком. Длинные полы дубленки путались в ногах, мешая идти, к тому же она была на восьмом месяце беременности.

— Около президентского дворца было много трупов. Их никто не убирал, и хотя бомбили, около трупов крутились собаки. Я старалась не смотреть на это, думала: скорее бы выбраться отсюда, — вспоминает Малика.

Пешком они кое-как добрались до поселка Мичурина. Оттуда отец Малики вывез их из города. И началось бегство от войны: Аргун, Курчалой. В Новогрозном, где была их очередная остановка, стали с вертолетов бросать листовки с требованием выдать боевиков. Дали 24 часа. Если сельчане не выполнят это условие, то село будут бомбить.

— В селе боевиков не было, старики ходили к федералам, пытались с ними объясниться. Не знаю, что там они порешили, но старики вернулись и сказали, что в течение часа мы должны по «коридору» покинуть Новогрозный и пойти в Алерой. Посадили женщин и детей в тракторные тележки. А впереди два грузовика с детьми и женщинами... Метров пятьсот проехали и эти грузовики подорвались. 14 человек погибло сразу, много было раненых... Мужчины, которые в этих грузовиках своих детей и женщин отправили, головой об землю бились... Страшно было это видеть. Решили больше не рисковать, а остаться в селе — будь что будет, — продолжает свой рассказ Малика.

Отведенные федералами 24 часа заканчивались, единственное место, где можно было укрыться от бомбежки, — подвал двухэтажного учи-

тельского дома, где хранились всякие соленья-варенья. В нем набилось так много женщин и детей, что невозможно было присесть, к тому же все стояли по колено в воде. Горела одна-единственная свечка. Сначала бомбили где-то на окраине села, потом снаряд попал в этот дом. Малике показалось, что на какое-то мгновение она потеряла сознание, а когда она пришла в себя, то увидела, что кто-то из женщин пытается открыть дверь, но ничего не получается. Началась паника.

— Я стояла, прижавшись спиной к стене. И вдруг... Такая нестерпимая боль, — вспоминает Малика.

Стоявшая рядом с ней женщина внимательно посмотрела на нее и тяжело вздохнула:

— Роды у тебя начинаются. Только где же тебя положить?

Малика хотела возразить, что рожать ей через месяц, а сейчас только бы чуточку полежать и все пройдет. Но в следующее мгновение резкая боль вновь пронзила тело. Забыв о том, что наверху все еще продолжают рваться снаряды и, вполне возможно, один из них накроет это временное убежище, замуравив всех здесь навечно, женщины засуетились, пытаясь соорудить хоть какое-то ложе. Хотели отодрать доски от стеллажей — не получилось. Да и куда эти доски пристроить, если в подвале по колено воды?

Выход нашла самая молодая из женщин, Хава. Она велела всем детям отвернуться лицом к стене, что они, перепуганные, выполнили

Малика и Джамия

беспрекословно. Затем попросила четырех женщин стать тесно друг к другу и нагнуться, упершись руками в колени. На их спины набросили дубленку Малики.

— Ну вот, соорудили тебе, родная, стол. На нем и будешь рожать.

Дальше все происходило, как во сне: жуткая боль, женские руки, которые придерживали Малику со всех сторон, вытирали пот со лба, гладили по лицу. Наконец боль утихла.

— Я знала, что должен раздаться плач ребенка, — рассказывает Малика. — Но было тихо, я приподнялась и вижу, что они заворачивают новорожденного в чей-то платок. С головкой заворачивают...

— Давай помогу встать, — Хава взяла Малику за руки. — Девочку тебе Аллах послал, да сразу забрал к себе... Ну, ничего. Ты молодая, родишь еще... Может, это и к лучшему, видишь, какое время.

Малика поднялась на ноги, прислонившись к стене, закуталась в дубленку — ее знобило. Старалась не смотреть на стеллажи, где между банками с огурцами и помидорами лежал маленький сверток.

— Бомбежка не прекращалась, и вдруг среди этого грохота я услышала какой-то писк... Потом еще... И тут до меня дошло, что это подает голос моя девочка, — вспоминает Малика.

Она схватила сверток, распахнула дубленку, прижала младенца к себе...

Через два дня их откопали. Первый человек, которого Малика увидела, когда плита отвалилась и в подвал

хлынул слепящий глаза поток дневного света, был ее муж Умар.

Потом опять бегство от войны, от бомбежек. Где им только не приходилось жить: в спортивном зале в Дагестане, в санатории в Нальчике. Потом их всех, беженцев из Чечни, с помощью милиции из санатория выселили. И пришлось оборудовать себе жилье под открытым небом: натягивали на шесты одеяла, накрывая их на случай дождя полиэтиленовой пленкой. Еду готовили на кострах. Тогда Малика тяжело заболела. И уже не думала, что останется в живых. Но однажды лечащий врач ей сказал: «Никакие лекарства тебе не помогут, если сама не захочешь жить. Подумай о дочке. Нужно быть сильной и терпеливой». Она часто вспоминает этого доктора. Он вернул ей веру в собственные силы в тот момент, когда она поставила крест на себе.

— Я просто не имела права умереть после того, что пришлось пережить.

Она сумела восстановиться на заочное отделение Кабардино-Балкарского университета, закончить его. Работала в региональной газете, потом в журнале. Бывая в командировке в Нальчике, я часто с ней встречалась. Малика с Джамилькой, веселым, ласковым человечком, снимала крохотную комнатку недалеко от центра города. На столе стопка детских книжек — Джамия рано научилась читать.

— Перестала приставать «почитай да почитай». Теперь сама предлагает — давай, мама, я тебе почитаю, — улыбается довольная Малика.

Малике и сейчас приходится нелегко. Нет своего жилья, порой не хватает денег на самое необходимое. Но она старается не унывать, тем более что подросла дочка, ее помощница.

...В феврале этого года Джамиле Темирсултановой исполнится двенадцать лет. Она — ровесница тех событий, которые официальные власти считают контртеррористической операцией, а простые люди, которые вот уже больше десяти лет на себе ощущают итоги этой «операции», называют все происходящее войной... Первой и второй чеченской войной. Той войной, которая отобрала у Джамили и тысячи таких же детишек дом, лишила их детства.

Татьяна ГАНТИМУРОВА

В ГРОЗНОМ БУДЕТ ПОСТРОЕНА ГЛАЗНАЯ КЛИНИКА

Как сообщила пресс-служба Правительства ЧР, достигнута договоренность между Минздравом ЧР и Московским институтом «Микрохирургия глаза» им. Святослава Федорова об открытии в 2007 году в Грозном глазной клиники.

В этом начинании обещал оказать всяческое содействие заместитель директора московской клиники, уроженец ЧР Сосламбек Метев, который не первый год работает в Москве и зарекомендовал себя в глазной хирургии.

Как сказал министр здравоохранения ЧР М. Ахмадов, Метев готов вернуться домой и организовать работу в этом направлении. Теперь перед министерством стоит задача подготовить техническую базу, закупить оборудование, определиться с помещениями и привлечь специалистов.

Эту инициативу поддержал президент Чечни Рамзан Кадыров. Он отметил, что «открытие глазной клиники — это еще один шаг развития здравоохранения республики».

РУССКИЙ ТЕАТР ГОТОВИТСЯ К ПРЕМЬЕРЕ СПЕКТАКЛЯ

В Государственном драматическом театре имени М. Лермонтова начались репетиции спектакля «Рыцари Кавказских гор».

Сценарий написан художественным руководителем театра, народным артистом России, лауреатом Государственной премии РФ и ЧР Мимолтом Солцаевым. Он же является и режиссером постановки.

Главные роли исполняют заслуженный артист Чеченской Республики Амран Джамаев, он работает над образом русского писателя М. Лермонтова, и Бай-Али Вахидов, который будет играть генерала русской армии А. Ермолова.

«Грозный-Информ»

В РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЕ

На фотовыставке о Чечне в Каталонии

Уважаемая редакция!

Мы работаем в Каталонии неподалеку от Барселоны в небольшой неправительственной организации, которая называется «Лига по правам человека» (People's Rights League). С начала военных действий в Чеченской Республике наша организация уделяет повышенное внимание этому конфликту.

В начале декабря 2006 года на конференции в университете Pompeu Fabra в Барселоне мы познакомились с директором Центра экстремальной журналистики Союза журналистов России Олегом Панфиловым, куда он был приглашен для обсуждения вопросов о положении журналистов в Чечне.

Панфилов также был удивлен, узнав, что в Барселоне находятся люди, которые интересуются Чечней, и его это заинтересовало. Поэтому мы решили рассказать о проекте, над которым сейчас работаем.

Он носит название «Чечня: нарушенная тишина!» (Chechnya: Break the silence). Цель проекта состоит в том, чтобы знакомить испанских граждан с ситуацией в Чечне, а также найти политическую поддержку, которая способствовала бы предотвращению нарушений прав человека в этом регионе.

Так, мы организовали фотовыставку, посвященную чеченскому конфликту, на которой были представлены работы известных фотографов, побывавших в

Чечне, таких как Эдди Ван Весел и Хайди Браннер. Выставка передвижная, она уже побывала в разных каталонских городах и до сих пор продолжает свою работу.

Помимо фотовыставки мы также организовали конференцию, в которой принимали участие преподаватели из разных университетов, сотрудничающие с

нами. Во время посещений разных городов мы стараемся вовлекать в нашу деятельность местные политические ведомства, с тем чтобы каталонские политические деятели и правительство принимали участие в решении чеченских проблем.

Другой инструмент, который используется нашей организацией, — это наша веб-страница www.txetxenia.org. Здесь люди могут найти общую информацию о конфликте в Чечне, историю республики, текущие новости российских и зарубежных информагентств.

В настоящее время нами готовится к изданию книга о чеченском

конflikте. Это будет своего рода сборник работ преподавателей каталонского и испанского университетов; в него войдут материалы российских журналистов, таких как Оксана Чельшева, Андрей Бабицкий, и статья чеченского доктора Хасана Баиева.

В знак скорби о погибшей журналистке Анне Политковской мы организовали в Каталонии протестное мероприятие.

В этом году мы планируем распространить свою работу в школах и университетах, чтобы рассказать школьникам и студентам о конфликте в Чечне. Молодежь должна понимать: нельзя спокойно жить, когда где-нибудь еще льется кровь и нарушаются права человека.

Надеемся, что наша деятельность принесет хоть какую-то помощь чеченским людям.

Сотрудники
«Лиги по правам человека»

Здравствуй!

Нас, болельщиков футбольного клуба «Терек», глубоко тронула статья «30 лет одиночества», опубликованная в номере 7(8), о тяжелой судьбе вдовы нашего прославленного спортсмена, любимца народа Увайса Ахтаева.

Спасибо за то, что вы вспомнили о ней и рассказали о ее плачевном положении.

Увайс Ахтаев — это легенда чеченского спорта, которым мы должны гордиться. Почему же мы именуем в память о наших кумирах стадионы и забываем об их близких?

В связи с этим мы обращаемся к руководству Чеченского «Россельхозбанка» с просьбой открыть личный счет Тамары Ахтаевой, куда бы мы могли переводить свои денежные средства.

Также просим руководство РФК «Терек» (Грозный) взять шефство над этой женщиной.

С уважением,
московский фан-клуб
«TEREK ULTRAS»

МЕЧТЫ О СЧАСТЬЕ

Как сложится судьба сирот из детского приюта Берлант Касаевой?

Последний Новый год, который «дети» Берлант Касаевой праздновали вместе

В 92 году в Грозном родилась девочка Женя, которую в семье ждали с нетерпением. Все было как всегда: семейные фото, первые шаги, первое слово, первое знакомство с миром. Несмотря на то, что ситуация в республике была нестабильной, никому еще и в голову не приходило, какая трагедия ждет впереди. Но пока мир вселял много надежд, а будущее девочки виделось только в розовых тонах.

Однако жизнь не всегда состоит из счастливых дней. Вскоре началась война, семья осталась без средств существования. К тому же глава семейства бросил жену и детей и уехал жить в другой город, где у него появилась другая семья. Женя со своей мамой и старшей сестрой остались в Чечне. Потом на протяжении многих лет Женю будет мучить вопрос, почему отец их бросил, почему он не давал о себе знать.

Не в силах пережить расставание с мужем, оставшись с двумя детьми, мама Жени зашла. В доме начались скандалы, дети терпели побои и унижения. Находиться рядом с вечно пьяной матерью Женя уже не могла.

Сначала пятилетняя девочка допоздна бродила по разбитым улицам Грозного, пытаясь как можно меньше видеть мать, но после того

как она в очередной раз ее избивала, Женя решает уйти из дома. Родственников у нее не было, маленькой девочке не могла помочь даже ее старшая сестра. Так началась ее новая жизнь — на улице.

Трудно представить, как сильно должен разочароваться ребенок в близких людях, чтобы поменять домашний уют на уличную, бродячую жизнь. Идти ей было не к кому, ночевать приходилось в подвалах. Особенно трудно приходилось зимой: надевать было нечего, а питаться приходилось чем попало.

Шли годы, Женя уже стала забывать дом, где жили ее мать и сестра, да и те особенно ее не искали. А потом началась вторая война. Многие жители покинули город. Жене некуда было бежать. В то время Грозный бомбили непрерывно, все спасались как могли, и людей меньше всего интересовал беспризорный ребенок. Ее спасением опять стали подвалы и оставленные без присмотра дома, где она иногда могла найти себе пропитание. В самые страшные дни Женя чудом удавалось оставаться в живых. Ей пришлось увидеть столько крови и смертей, что эти воспоминания теперь, наверное, никогда ее не покинут.

Вскоре война закончилась, люди стали возвращаться в свои дома.

Однажды на улице к Жене подошла русская женщина, которая назвалась Еленой. Она сказала: «Женя, ты хорошая, умная девочка, ты должна учиться». Елена рассказала Жене о Берлант Касаевой и ее детском приюте. О том, что все дети живут там дружно, как одна семья. Елена помогла Жене восстановить документы и повела ее в приют. Потом Женя будет называть Берлант своей матерью. Так в жизни девочки снова появилась надежда на светлое будущее, о котором она в последние годы даже перестала мечтать.

Первым делом повзрослевшая Женя захотела найти своего отца! С помощью своей новой мамы она написала письмо в телевизионную программу «Жди меня». Отца она не нашла, но объявилась ее крестная мама. Женя вместе с Берлант приехала в Москву. Наверное, многие грозненцы смотрели эту передачу, полную эмоций и радостных слез, и, конечно, очень радовались за счастливую Женю. Вскоре девочка распрощалась со своей «грозненской семьей» и уехала к своей крестной в другой город.

Казалось, что у этой истории счастливый конец. Женя нашла своих близких людей, и у нее наконец началась новая, красивая жизнь. Но через год она вдруг возвращается в Грозный, в свой родной приют. Полная разочарования, она решает больше никогда не уходить от Берлант.

Сейчас она учится и живет в Грозном вместе с другими детьми, судьба которых сложилось так же трагично. Они считают друг друга братьями и сестрами, а своей матерью — Берлант Касаеву.

P.S. Пока готовился этот номер, нам стало известно, что власти республики посчитали, что в Чечне не должно быть больше детских приютов. Детей развезли по реабилитационным центрам, чтобы затем определить их в разные семьи. Как сложится судьба Жени и остальных детей, которых разлучили с самым дорогим для них человеком, неизвестно. Надеемся, что счастливо. Ведь они так об этом мечтают.

Зара ГЪЗУЕВА

«ХОЧУ БЫТЬ РАЗНОПЛАНОВОЙ ПЕВИЦЕЙ»

Чеченская певица Элина Муртазалиева – гость нашей редакции

Как трудно порой бывает оторваться от существующих стандартов. Выбрать свой путь. Строить что-то свое. Преодолевать сопротивление. Учиться. Быть требовательным к себе. Работать. Повышать планку. Верить в себя, в свою идею. Идти вперед несмотря ни на что. Элина Муртазалиева – человек, в котором чувствуются внутренняя сила, цельность характера и стремление развиваться, работать над собой.

– Элина, с чего все начиналось? Когда ты поняла, что пение – это твое призвание?

– В моей семье не было музыкантов. Но все же среди родственников по маминной линии были музыкально одаренные люди. Скорее всего, мне передалось что-то от них.

Пристрастие к музыке стало выражаться еще в школе. Сначала меня привлекали разные профессии: я хотела стать художником, врачом, учителем. Но окончательное решение пришло в 6–7 классе.

Помню, как в 7 классе мы писали сочинение на тему: «Кем я хочу стать». Я довольно умело изложила свои мысли на бумаге и написала, что хочу стать певицей. Чем заслужила похвалу педагога и всеобщее одобрение.

С тех пор я участвовала во всех смотрах художественной самодеятельности, а на всех мероприятиях в школе меня просили спеть.

– А когда ты получила свое первое музыкальное образование?

– В детстве я очень хотела учиться в музыкальной школе. Но у нас была большая семья, много детей. Возможности отдать меня в музыкальную школу не было.

Мне очень нравилось творчество Тамары Дадашевой. Как-то я попала на ее концерт. Несмотря на то, что я была немного замкнутым и робким ребенком, я набралась смелости и подошла после концерта к Тамаре. Я ей сказала:

«Я большая поклонница вашего творчества, пою ваши песни. Хочу тоже стать певицей, но не знаю, с чего начать». Она мне сказала: «Когда окончишь школу, иди в музыкальное училище, на вокал, а дальше все будет зависеть только от тебя».

– Ты последовала совету именитой певицы?

– Да, я так и сделала. Я даже попросила свою подругу, у которой не было особого стремления к музыке, поступить вместе со мной. Она согласилась. Но уже после первого курса подруга начала сомневаться, а потом и вовсе покинула училище. Конечно, я расстроилась, но сама продолжала учиться.

На втором курсе я узнала, что Тамара Дадашева набирает девичью группу, и решила рискнуть. Она меня прослушала. Я не решилась ей напомнить о нашей встрече. Меня приняли, и я начала работать в группе «Джейна». Но проработала где-то около полугода. Пришлось выбирать между работой в группе и учебой.

Но я продолжала посещать филармонию, общаться с «коллегами по цеху». В 1993 известный артист Ахмед Эльдарханов взял меня в свой коллектив солисткой. В то же время я потихоньку начала записывать свой сольный альбом. Я проработала с Ахмедом до н а ч а л а войны.

– Как война повлияла на твои планы?

– Какое-то время я находилась дома. А когда началась так называемая «вторая война», мне пришлось уехать в Назрань. Там я

устроилась в Ингушскую филармонию, где проработала месяца три, а затем перебралась в Москву. Сюда меня пригласила моя подруга, которая жила в то время в столице и занималась организацией концертов. Так я стала принимать участие в концертах.

Переезд в Москву был связан еще с мечтой учиться в вузе, осуществить которую мне удалось в 2003 году. И сейчас являюсь студенткой четвертого курса Московского государственного университета культуры и искусств.

– Элина, расскажи подробнее о своей учебе в университете, ведь это серьезная ступень в твоём самоопределении? На каком факультете ты сейчас учишься?

– Сначала я поступила на факультет эстрадно-джазового вокала, так как основа классического пения у меня уже была. Но сейчас я перевелась на факультет академического вокала. Мой педагог, профессор, народный артист СССР Июшка Ибрагимович ви-

Фото: М. Патагова

Элина Муртазалиева (слева) с друзьями и коллегами: Султаном Исламовым, Кокой Межидовой, Ильясом Эбиевым

дит мое будущее как певицы в оперном жанре.

Менять педагога не представлялось возможным, так как это опасный путь. У каждого педагога своя школа. Изменить школе — это поставить под удар все, что наработано ранее, а это тяжелый стресс.

Вообще, я очень благодарна своему педагогу. Он очень много труда в меня вкладывает. Благодаря ему во мне появилась уверенность.

Не так давно, в сентябре 2006 года, участвовала в 5-м Международном конкурсе молодых оперных певцов Елены Образцовой.

Конкурс проходил в Колонном зале Дома Союзов. Конечно, очень волновалась — выступать на конкурсе подобного уровня, на глазах у известнейших мастеров международного класса! Готовились очень тщательно с моим педагогом, по два занятия в день. Когда появились афиши, волнение возросло.

Я выступила в первом туре, но не прошла во второй. Конечно же, очень расстроилась. Но потом мое настроение изменилось. Дело в том, что Елена Образцова выразила свое мнение по поводу выступления каждого из участников.

«Молодец, продолжай учиться. Очень хороший голос, но не хватает техники», — сказала она мне.

После этих слов я восприняла духом, поняла, что надо дальше продолжать учиться. Вообще, оперное искусство — это очень сложная работа. Я радуюсь, что мне посчастливилось поработать на такой престижной сцене в Колонном зале Дома Союзов. Теперь я собираюсь уча-

ствовать в мастер-классах, которые проводит Елена Образцова в Санкт-Петербурге.

В апреле этого года я планирую также принять участие во Всероссийском конкурсе Валентина Левко, а в августе вновь состоится конкурс Елены Образцовой, но теперь уже в Питере.

— Я знаю, что ты готовишь свой новый альбом. Кто еще вовлечен в этот творческий процесс?

— Я давно мечтала познакомиться с поэтом Шаидом Рашидовым. И жизнь предоставила мне такой шанс. Я призналась, что являюсь поклонницей его творчества, мечтаю сотрудничать с ним, на что Шаид ответил согласием. Некоторые из стихов его нового сборника лягут в основу моих будущих песен.

Кроме того, стихи мне пишет Иман Усманов, а музыку — Али Димаев и Рамзан Паскаев. Надеюсь, что в этом году альбом выйдет в свет.

— Так ты считаешь себя оперной певицей или все же эстрадной?

— Я много думала для какой публики мне петь? Легкую музыку или серьезную? Но сама жизнь подвела меня к ответу. Обучаясь, вкладывая силы в это, я поняла, что не могу размениваться на что-то сиюминутное. Важен профессионализм.

Мне очень понравились слова известной оперной певицы Анны Нетребко: «Не каждый певец музыкален». Не всем артистам дано петь в разных жанрах, объединять в себе многое. Большинство певцов работают только в одном направлении. Я же хочу быть разноплановой певицей.

Вечер памяти чеченского поэта

18 января в Чеченском государственном университете состоялся литературный вечер, посвященный 65-летию со дня рождения Магомеда Дикаева.

Почтить память выдающегося чеченского поэта пришли представители творческой интеллигенции республики, известные поэты, писатели, артисты, студенты.

Выступавшие делились своими воспоминаниями о поэте, который прожил короткую, но насыщенную творческим поиском и свершениями жизнь.

— Его стихи отличались тонким лиризмом, легкостью формы, глубиной мысли. Именно поэтому многие из них были переложены на музыку известными чеченскими композиторами, и эти песни стали поистине народными, — отметил известный чеченский поэт Шейхи Арсанукаев.

Первыми исполнителями песен, сложенных на его стихи, были Алхазур Ганаев, Магомед Буркаев, Марьям Айдамирова, Султан Магомедов, Валид Дагаев. На его стихи писали музыку такие композиторы, как А. Шахбулатов, А. Розенберг, А. Халебский, З. Чергизбаев.

Писать стихи Дикаев начал еще в школе. Они получили высокую оценку признанных классиков русской литературы — Н.Тихонова, А.Твардовского и других.

Организатором вечера памяти выступил Культурный центр по изучению и пропаганде традиционной культуры народов ЧР. Как рассказал один из его создателей Исмаил Мунаев, центр, созданный в 2005 году, проводит встречи с писателями, поэтами, представителями творческой и научной интеллигенции республики, а также различные литературные конкурсы.

«Грозный-Информ»

Амина ГЕЛАГАЕВА

ШАРО-АРГУН – ЗЕМЛЯ ОТЦОВ

Посвящается памяти дедушки Билала и бабушки Белиты

Река Шаро-Аргун образуется из нескольких источников, имеющих начало в Андийском хребте, и стремительным потоком неумолимо несет свои воды, пробивая дорогу среди величественных горных вершин, флегматично взирающих тысячами на происходящие внизу события. Тесные скалистые берега придают реке мощь; она издает монотонный, несмолкающий гул, ударяясь о бесчисленные изгибы ущелий и волоча по своему лону огромные валуны. Достигая теснины междугорья Халкелой-Лам и Суракх-Лам, река течет к северу. Омывая западные подножья горы Суракх, в Шаро-Аргун впадает Большой ручей, который, соединяясь незадолго до этого с Малым ручьем, клином расходится в юго-восточном направлении. Этот клин, полого подымающийся вверх и густо покрытый зарослями орешника, буком и дубом, является одной лапой, возвышающейся над местностью горы Шера-Лам. В углу, образованном Малым ручьем и правобережьем реки Шаро-Аргун, живописно раскинулось селение Шаро-Аргун. У вершины этого угла под горой Суракх-Лам по правую сторону Большого ручья имеется ровная площадка, называемая Тоги-чу, а выше по склону горы лежит хутор Суракх, являющийся частью селения Шаро-Аргун, находящегося как бы в естественном кратере. Образован же он на востоке горами Шера-Лам и Суракх-Лам; с юга – горой Дай-Лам, за которой пролегает путь в Итум-Кали и далее в Грузию; с севера – горой Сярбалой-Лам, а перевалив через нее, можно очутиться в Веденском районе.

Добираясь в Шаро-Аргун по единственной ведущей к нему шатоевской дороге, вы пересекаете мост, расположенный у западной окраины села. Сразу же за ним расположено место, называемое Кетир-Ирзо – большая лужайка, покрытая сочной альпийской травой. Здесь дорога разветвляется в виде куриной лапы: одна резко сворачивает вправо и головокругительным серпантинном уходит в сторону селения Дай; другая ведет непосредственно в Шаро-Аргун; третья, огибая нижний, прибрежный край села, ведет к Голубому озеру, а дальше – в Дагестан. Отсюда открывается одна из великолепнейших картин: покры-

тое темно-зеленым лесом кольцо горных хребтов, с редкими полянами по склонам, за которыми виднеются покрытые вечными снегами пики Кавказского хребта.

Среди моих односельчан бытует такое мнение, что селения Шаро-Аргун не существовало во время Кавказской войны, длившейся около полувека. Она началась, когда император Александр I собирался даровать России конституцию; под «чеченские пули» шли герои 1812 года во главе с Ермоловым; она продолжалась, и когда декабристы готовили государственный переворот, и когда Николай I отправил часть заговорщиков в «теплую Сибирь» – в действующую Кавказскую армию; она казалась уже привычной составной частью русской жизни во времена Лермонтова – сам поэт написал очерк о кавказском офицере в качестве зарисовки из российской повседневности(!); будущее «зеркало русской революции» Лев Толстой наводил свое орудие на непокорных чеченцев; она продолжалась и после пленения Шамиля (26 августа 1859 года) – имама Чечни и Дагестана, сражавшегося за свои идеалы и убеждения 24 года, 11 месяцев и 7 дней. Эту войну официально признали оконченной 21 мая 1864 года, однако долго еще сохранялись отдельные очаги сопротивления русским властям. Хотя войну признали оконченной, она никак не хотела кончаться.

Пророческими оказались заключительные строки бессмертного произведения поэта А. С. Пушкина «Кавказский пленник»:

*Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!*

Версия о том, что селения Шаро-Аргун не существовало во время этой войны, подтверждается и содержанием «Географического и топографического описания Чечни», составленного А. П. Берже в 1859 году. В описании дороги от укрепления Шатоевского через реку Шаро-Аргун в аулы общества Чебирлой, через Андийский хребет к укреплению Преображенскому автор упоминает все нынешние села, за исключением села Шаро-Аргун, а место, где оно ныне находится, описы-

вается как труднопроходимая лесистая местность. На этом не очень обширном пространстве лесных массивов не было дорог. Дорога же, ныне ведущая в селение Дай через Шаро-Аргун, в то время проходила вдоль течения по левому берегу реки, пересекая Сона-Лам.

И вот, имея в своем ведении данные, которые изложены выше, я зажегся, как мне кажется, благородной идеей – найти время основания моего родного села и, если это возможно, закрепить документально, а также выяснить, кто они были – основатели села и кто их потомки.

С этой целью мною было изучено немало материалов того времени, имеющих хоть какое-нибудь отношение к Северному Кавказу и особо к Чечне. В результате этих поисков были найдены сведения, представляющие для меня действительно очень большой интерес. Так, в журнале Кавказского Комитета от 23 июня 1868 года говорится: «Вследствие недостатка пахотных земель в горных местностях Терской области, а также открытия доступа в лесистые местности этого края, нередко служащего притоном для злонамеренных людей, – по распоряжению генерал-фельдмаршала князя Барятинского, в 1860 году, было разрешено жителям Ичкеринского и Нагорного округов, согласно желанию их, производить расчистку земель из-под леса, с тем условием, чтобы каждый, расчистивший в указанном размере лесной участок, получал его

Боевая башня на берегу Аргуна

в вечное и потомственное свое владение».

Это распоряжение князя Бярятинского, подтвержденное его высочеством главнокомандующим, по журналу Кавказского Комитета от 23 июня 1868 года, удостоено высочайшего утверждения.

Благодаря этому жители Ичкеринского и Нагорного округов, деятельно принявшись за расчистку лесных участков, приобретут этим возможность производить более значительные, сравнительно с прежними, посевы хлеба, что, конечно, будет служить немалым улучшением их быта.

Для того, чтобы узнать, стало ли причиной основания села Шаро-Аргун это распоряжение, следует уточнить географическое положение Нагорного и Ичкеринского округов. В их район входят северо-восточные покатости Андийского хребта, представляющие сплошной ряд параллельно тянущихся ущелий и горных отрогов. Из этого короткого географического описания следует, что место, где ныне располагается Шаро-Аргун, должно быть, входило в Нагорный или в Ичкеринский округ. Но есть еще один интересный документ. Он изложен в статье «Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа» П. Гаврилова за февраль 1869 года. Вот лишь небольшой отрывок из этой статьи: «По поземельному же вопросу, касающемуся самых дорогих для горца интересов, все еще не бы-

ло приступаемо к положительным, видимым для населения решениям, — отчасти потому — что приступать к нему, при крайне напряженном тогда настроении умов населения, нужно было с особенною осторожностью, а отчасти по несобранию необходимых для того данных».

Наконец с 1863 года принимается целый ряд решительных мер по устройству поземельного быта горских племен Северного Кавказа. Самым важным из них является, на мой взгляд, распоряжение командующего Кавказскою армией, великого князя Михаила Николаевича по учреждению общей для всей области поземельной комиссии.

Изучив содержание распоряжения, можно с уверенностью утверждать, что именно этот нормативный акт дал окончательное право на основание селения Шаро-Аргун.

ся в селе Шаро-Аргун, является статья, опубликованная в республиканской газете «Грозненский рабочий» «О реабилитации репрессированных в 1937 году». В этой статье говорится, что Маца Хаджаев-Мадиев родился в 1867 году и является уроженцем села Шаро-Аргун.

Суммируя результаты проведенной работы, получаем:

— во-первых, по состоянию на 1859 год села Шаро-Аргун не существовало;

— во-вторых, распоряжение генерала фельдмаршала князя Бярятинского за 1860 год не было реализовано;

— в-третьих, распоряжение государя великого князя Михаила Николаевича за 1863 год явилось основанием для начала работ по освоению местности, где ныне находится село Шаро-Аргун;

Башенное селение Шарой

Мой дедушка Билал Мадиев, умерший 1 июля 1982 года в возрасте 92 лет, говорил, что его отец, Маца Хаджаев-Мадиев, родился на второй год после прибытия его родителей на место нынешнего Шаро-Аргуна для его освоения. Отцом его был Хьежа Гелагаев, сын Гелага, один из основателей Шаро-Аргуна, от имени которого он получил свою фамилию, как и полагалось тогда в чеченских традициях. Она записана неправильно: «Хьежаев» — «Хаджаев», здесь, должно быть, перепутано русское слово «хадж» с чеченским именем «Хьежа». Документальным же подтверждением тому, что Маца родил-

— в-четвертых, Маца Хаджаев-Мадиев родился в 1867 году и являлся уроженцем села Шаро-Аргун, а нам известно из рассказа его сына Билала Мадиева, что он, якобы, родился на второй год после начала освоения территории нынешнего села Шаро-Аргун.

Итак, если учесть, что для реализации нормативного акта — распоряжения 1863 года — требовалось определенное время, то дату основания села Шаро-Аргун нужно определять между 1863 и 1867 годами. Таким образом, годом основания села Шаро-Аргун является 1865 год.

Возможно, читатель, близко знакомый с историей Кавказа, ►

ЗНАКОМЫЙ ЧЕЛОВЕК

Война внесла в судьбу Михаила Паталова

задастся вопросом: «Как же село Шаро-Аргун основано в 1865 году, если в списке населенных мест по сведениям 1874 года, опубликованном типографией Главного управления наместника кавказского в 1878 году в городе Тифлис, оно не значится?»

Да, действительно, такой список существует, но в нем учитывались уже сформировавшиеся населенные пункты, где дома и проживавшие в них люди были зарегистрированы соответствующим образом. Например:

с. Басты-Ирзау: количество домов — 17, численность населения — 82 чел., в том числе 40 лиц мужского пола.

с. Ачалой: количество домов — 30, численность населения — 90 чел., в том числе 45 лиц мужского пола.

с. Дай: количество домов — 67, численность населения — 236 чел., в том числе 115 лиц мужского пола.

с. Багачарой: количество домов — 12, численность населения — 50 чел., в том числе 24 лица мужского пола.

с. Босой: количество домов — 36, численность населения — 183 чел., в том числе 90 лиц мужского пола.

с. Соной: количество домов — 29, численность населения — 122 чел., в том числе 56 лиц мужского пола.

с. Хали-Кали: количество домов — 101, численность населения — 718 чел., в том числе 360 лиц мужского пола, имелась мечеть.

1865 год мы считаем годом «закладки» села. Естественно, на застройку горной местности, покрытой густым лесным массивом, которым и сегодня окружен Шаро-Аргун, у основателей села ушло немало времени и труда, не говоря уже о том, как в то время осуществлялись оформление этих застроек и регистрация проживавших в них людей. Да и сведения эти, должно быть, собирались статистическим управлением намного раньше указанной в списке даты.

Теперь, когда мы определили дату основания села, постараемся хотя бы минимально восстановить картину освоения этого участка земли.

Эдильбек МАШИЕВ

(фото из книги Л. Ильясова «Тени вечности»)

Продолжение следует...

С Михаилом Паталовым знакомы, пожалуй, почти все без исключения московские чеченцы. Без участия этого не по годам стройного человека не обходится ни одно событие в российской столице, в котором участвуют представители чеченской общины. И всегда, будь это официальные мероприятия, творческие вечера, выставки художников, концерты или свадьбы, он приходит со своим неизменным партнером — фотоаппаратом.

Однако мало кто знает, что профессию фотографа Михаил Паталов был вынужден освоить лишь в послевоенные годы.

А до войны он более 20 лет проработал в Чечено-Ингушской государственной филармонии, последние пять из которых — вместе с великим Махмудом Эсамбаевым.

Михаил Паталов родился в августе 1938 года в Грозном. Его корни тянутся из Грузии, но еще до революции его прапрадед Каргишвили обосновался на нынешней территории Чечни. Кстати, именно от этой фамилии получила название станция Каргинская (ныне Каргалинская). Его прадед по материнской линии Караканидзе был городским головой города Кизляра. Затем они переехали в Грозный, где с той поры и обосновались.

Будущие родители Михаила познакомились уже в Грозном. Отсюда его отец ушел на фронт сапером, был ранен, но войну закончил в Германии. После войны работал заведующим похоронным бюро.

Михаил еще в детские годы определил для себя, что будет артистом. Но прежде чем осуществилась его мечта, он закончил исторический факультет Чечено-Ингушского университета. Позже поступил в школу-студию, которая открылась при местном драмтеатре, а уже в 1955 году его взяли актером в грозненский Театр драмы им. Лермонтова.

Затем была работа в театрах Пятигорска, Новгорода, Русском театре драмы в Ереване, где ему довелось работать на одной сцене с самим Арменом Джигарханяном. Кстати, они до сих пор поддерживают приятельские отношения.

— В Грозный я вернулся в 1976 году по рекомендации Бисултана Габисова, бывшего секретаря обкома партии, который в те годы уже работал редактором газеты «Ленинский путь» — вспоминает Михаил Паталов.

— Мне предложили работу артиста разговорного жанра Чечено-Ингушской филармонии. Это означало полную смену амплуа, что само по себе очень непросто. Но я был же-

На сцене артист разговорного жанра Михаил Паталов

С ОБЪЕКТИВОМ

свои печальные коррективы

нат, нуждался в жилье, а поскольку еще до отъезда из Грозного стал в очередь на квартиру, то пришлось согласиться.

В то время художественным руководителем филармонии был известный композитор Саид Димаев, а одной из главных исполнительниц — знаменитая певица Нина Татьянченко, чей завораживающий голос собирал по всей стране полные залы. Михаилу предстояло сформировать концертную бригаду для гастрольных туров. Но с Татьянченко проработать удалось недолго. Вскоре министр культуры СССР Демичев — большой поклонник таланта певицы — перевел ее в Москву.

Затем Паталов работал с Валидом Дагаевым, Марьям Айдамировой, вел концерты и одновременно являлся администратором ансамбля «Ритмы гор», куда входили многие эстрадные артисты Чечено-Ингушетии, в том числе и танцевальная супружеская пара — Щита Эдисултанов и Зулай Сардалова. А с начала 80-х он стал работать и как артист разговорного жанра, и как директор «Театра танца» Махмуда Эсамбаева. С его коллективом Михаил объездил всю страну. Как вспоминает Паталов, это были незабываемые гастроли.

— Где бы мы ни были, Махмуда встречали всегда как очень важного и, главное, любимого гостя, — рассказывает Паталов. — Его концерты становились знаменательным событием для любого города. Он, конечно, был неординарной личностью и как артист, и как человек. Авторитет Эсамбаева в стране был просто потрясающим. Надо сказать, что его концерты никогда не ограничивались только танцами. После исполнения «Макумбы», традиционно последнего в его программе, он брал у меня из рук микрофон и начинал разговаривать со зрителями. Как артист-разговорник я прекрасно знаю, насколько трудно заставить зрителя тебя слушать. Но Махмуд обладал какими-то завораживающими способностями, люди готовы были слушать Эсамбаева часами, а после концерта еще ждали появления на улице своего любимца. Кстати, мало кто знает, что при присуждении звания народного артиста СССР Махмуд, как президент «Международного Союза деятелей эстрадного

искусства», имел решающую последнюю подпись.

Война поставила точку не только в артистической карьере Михаила Паталова. В одночасье рухнуло все, чему он посвятил целую жизнь. На его глазах после прямого попадания ракеты сгорела квартира, окна которой выходили прямо на площадь Ленина. Целый месяц они с женой спасались от бомбежек в подвалах уцелевших домов. Хорошо еще, что сына и дочь они успели вывезти из города до начала военных действий. В один из таких дней обломки обрушившегося потолка погребли Паталова под себя. Выжил он только чудом.

Весной 1995 года Михаил снова оказался на волосок от смерти. Вернувшись из Москвы для восстановления сгоревшего паспорта, он решил проверить, в каком состоянии находится квартира Махмуда Эсамбаева, в которой остались уникальные костюмы великого танцора, его библиотека, дорогие картины, памятные подарки со всего мира. Но оказалось, что дом изнутри полностью выгорел. Михаил с грустью ходил по комнатам, некогда напомаившим музей, думая о том, какими словами он сообщит Махмуду эту печальную новость. Возвращаясь обратно, он не заметил, как нога зацепилась за минустрастяжку... Последнее, что он запомнил, — оглушающий грохот и обжигающую боль, словно сотни иголок пронзили его тело.

Позже врачи с удивлением констатируют, что Михаил «родился в рубашке», поскольку после взрыва таких мин люди обычно остаются без ног. Паталову повезло, но раны, полученные в тот злополучный день, до сих пор дают о себе знать.

Однако самые большие потери ждали Михаила впереди.

Мало кто знает, что Паталов был обладателем солидной антикварной коллекции, которую он собирал всю свою жизнь. Достаточно сказать, что в нее входило более 10 000 экземпляров раритетной литературы, из которых около полутора тысяч — просто уникальные. Это рукописные книги из монгольских скитов, старопечатные издания, все энциклопедии Брокгауза и Эфрона, русская энциклопедия Южакова, Еврейская энциклопедия. Кроме этого, он имел большую коллекцию старинных икон, картин, холодного оружия, огромное количество редчайших ▶

Михаил Паталов

марок и монет. Кое-что из этой коллекции Михаилу досталось по наследству от отца и деда, но большую часть он собрал сам.

Перед войной, в период разгула бандитизма в республике, Михаил упаковал всю свою коллекцию в семь огромных коробок из-под телевизоров и отвез на хранение в дом родственников, проживавших на Днепровской улице. Однако вскоре и те в срочном порядке вынуждены были покинуть город, не успев вывезти даже собственное имущество. А когда вернулись — ни коллекции, ни многих других ценных вещей в доме уже не оказалось.

И только спустя два года, после участия в телевизионной программе «Час пик», в которой Михаил поведал о своей пропаже, он узнал, что всю его коллекцию вывезли военные из в/ч 3111 дивизии им. Дзержинского, «зачищавшие» в тот день Днепровскую улицу. Об этом ему рассказала соседка (и это подтверждалось результатом следствия), видевшая, как офицер, командовавший этим отрядом мародеров, приказал вынести из дома коробки с коллекцией и загрузить на БТРы. А одну из икон командир вынул из коробки и стал ее тщательно разглядывать.

Пытаясь добиться расследования по факту хищения своей коллекции, Михаил не только раз встретился с заместителями генпрокурора России, но тщетно. В период военных действий, когда вся республика была отдана на разграбление военным мародерам, подобный инцидент расследовать никто не собирался. А чтобы Паталов больше не докучал своими жалобами, в генпрокуратуре ему заявили: «Следствием установлено, что коллекцию похитили чеченские боевики»...

Все последующие годы стали для Михаила чередой тяжелых физических и душевных испытаний. Потеря близких ему людей, отсутствие средств на существование, скитание по съемным квартирам и, что, пожалуй, было самым для него тяжелым, — одиночество.

— Единственное, что меня поддерживало все эти годы, — говорит Михаил Паталов, — это близость к своим соотечественникам. Я ведь и на работу фотокорреспондентом в чеченское постпредство только из-за этого согласился.

Небольшая квартирка, которую он снимает на западе Москвы, больше напоминает фотолабораторию. Фотографии, а их тут невероятное количество, лежат толстыми кипеми

Махмуд Эсамбаев и Михаил Паталов: друзья по жизни, коллеги по сцене

буквально везде. Какие только лица не запечатлены на этих снимках — все чеченское общество последнего десятилетия. Наверное, если когда-нибудь Паталову удастся устроить свою фотовыставку, она будет пользоваться у наших земляков огромным успехом.

Сейчас, когда у нас с такой легкостью раздаются звания народных и заслуженных артистов республики всяким заезжим гастролерам, уместно вспомнить, что в прежние времена наши артисты шли к своим званиям десятки лет. И, к сожалению, не всегда достигали цели.

В первый раз Михаила Паталова вычеркнули из списка артистов, выдвинутых филармонией на присуждение звания «заслуженных», еще в 1985 году. Причина по тем временам была весьма банальной — отсутствие партийного билета.

Затем в 1992 году, когда Махмуд Эсамбаев стал министром культуры мятежной Чечни, первый рескрипт, который подписал новый министр, было выдвигании Паталова на звание «Народного артиста Чеченской Республики». Как известно, на этой должности Махмуд пробыл всего около двух недель. Соответственно документ не успел пройти все стадии утверждения, а пришедший вместо Эсамбаева новый руководитель культурного ведомства просто-напросто вычеркнул Паталова из списка. В республи-

ке начиналась националистическая вакханалия.

Несколько лет назад, когда Михаилу Паталову исполнилось 65 лет, большая группа деятелей культуры и искусств Чеченской Республики обратилась к президенту ЧР Алу Алханову с ходатайством о присуждении почетных званий ряду известных артистов, чей многолетний труд, по их мнению, заслуживал достойной оценки. Под номером один в этом списке, кому рекомендовалось присвоить звание, было имя главного специалиста постоянного Представительства ЧР при Президенте Российской Федерации Михаила Паталова. Но... письмо затерялось где-то в анналах министерства культуры ЧР, и ходатайство деятелей культуры так и не было удовлетворено. Наши именитые артисты не поленились и написали новое обращение, но и его судьба до сих пор неизвестна.

— Дело даже не в звании, — говорит Михаил Паталов, — просто обидно, что огромный пласт жизни, которому были отданы лучшие годы, словно вычеркнут из моей судьбы.

P.S. Когда верстался номер, мне позвонил Михаил Паталов и сообщил, что подписан указ о присуждении ему звания «Заслуженный деятель искусств Чеченской Республики». Правда, документ этот он до сих пор не видел...

Саид-Хамзат ГЕРИХАНОВ

ЧТО НАМ СТОИТ ТОРС ПОСТРОИТЬ...

Чеченский атлет Рустам Джабраилов знает, как нужно правильно строить свое тело

Через занятие бодибилдингом, или, как его называли еще в советские времена, культуризмом, прошли, наверное, многие поколения молодых людей. «Построить» себе красивое мускулистое тело, накачанное мышцами, причем в очень короткие сроки, — заветная мечта каждого юноши. Правда, не всем удается довести начатое до конца, ведь это тоже труд, требующий и терпения, и определенных знаний. Но, как уверяют сами культуристы, тот, кто серьезно «подсаживается на железо», занимается бодибилдингом практически всю жизнь.

Но бодибилдинг — это прежде всего спорт, где есть и свои победители, и проигравшие. Недавно мне удалось познакомиться с чемпионом мира и Европы, одним из

лучших атлетов России Рустамом Джабраиловым. Его фотоплакаты, развешенные в московских фитнес-центрах, мне приходилось видеть и раньше, но, правда, я тогда и не догадывался, что Джабраилов мой соотечественник.

Сегодня Рустам гость нашей редакции.

— **Рустам, начав заниматься бодибилдингом, думал ли ты о чемпионских званиях?**

— Нет, вначале это было просто увлечение. В 1993 году в подвале грозненского Дворца спорта «Красный молот» открылся тренажерный зал, и я решил поднакачать свое тело. Понравилось, я втянулся, тренировки стали регулярными, правда, из-за войны приходилось прерываться. В 2000

Справка

Рустам Джабраилов родился в 1974 году в г. Грозном. Живет в Москве, работает инструктором в спортклубе. Мастер спорта международного класса, многократный чемпион России, чемпион мира и Европы по бодибилдингу.

году мне впервые пришла идея попробовать себя на каких-нибудь соревнованиях. Как раз в это время должен был состояться чемпионат Москвы. Я приехал в столицу и подал заявку.

— **И...**

— И стал бронзовым призером. Через год занял второе место, а еще через год поехал на чемпионат России, где также был вторым. А в 2002 году привез серебро с чемпионата Европы. Тогда я и решил переехать в Москву, чтобы основательно заняться этим видом спорта.

— **А когда пришли первые победы?**

— Практически с той поры я стал выигрывать состязание за состязанием. В 2003 году стал чемпионом Европы, четырежды становился чемпионом России, трижды — Юга России. В 2004 году в Москве состоялся чемпионат мира, я готовился к нему целый год, очень хотелось себя попробовать на соревнованиях такого уровня. Дебют оказался удачным — я занял первое место в весовой категории до 80 кг. Одновременно с золотой медалью мне вручили еще и Кубок «Прогресса», как самому лучшему прогрессирующему спортсмену в России. Оказалось, что мои успехи за последние четыре года — а за это время я выиграл все любительские турниры, в которых участвовал, — вывели меня в лидеры по этому показателю.

— **Ты не задумывался о профессиональном спорте?**

— Да, я планирую в скором времени перейти в профессиональный дивизион, правда, для этого мне необходимо добрать вес. Там ведь только одна — абсолютная весовая категория, минимальный вес должен быть за 100 кг. Думаю, что дебют состоится где-то осенью 2008 года. Обычно в это

Редакция:

Олег Панфилов,
соруководитель проекта

Томаш Вршовски,
соруководитель проекта

Саид-Хамзат Гериханов,
шеф-редактор

Сергей Зверев,
художник

Михаил Ульянов,
технический редактор

Маргарита Крючкова,
корректор

Редакционный совет:

Тимур Алиев,
редактор газеты
«Чеченское общество»

Сацита Исаева,
редактор газеты
«Голос Чеченской Республики»

Адлан Сагаипов,
редактор газеты
«Зов земли»

Эдильбек Хасмагомадов,
редактор журнала
«Вестник ЛАМ»

Адрес редакции:

Телефоны:
(+7 495) 201 7626, 201 3550,
911 7190
Факс: (+7 495) 201 7626
Адрес электронной почты:
center@cjes.ru
Вебсайт: chechnya.cjes.ru
Адрес: Россия, 119992, Москва,
Зубовский бульвар, 4,
Союз журналистов России,
офис 101

На территории Российской
Федерации тираж — 999 экз.

Распространяется бесплатно.

Издается при поддержке National
Endowment for Democracy (США)

Мнение авторов может не
совпадать с мнением редакции

Рустам Джабраилов (слева) во время соревнований

время проходят профессиональные соревнования серии Гран-при.

Вообще профессиональный бодибилдинг — это совсем иной уровень, нежели чем любительский, и здесь российским спортсменам еще трудно конкурировать с европейскими атлетами, не говоря уже об американских. Ведь в Америке этот вид спорта начал развиваться еще в 30-е годы прошлого столетия. К примеру, в самом престижном турнире «Мистер Олимпия» российский спортсмен впервые принял участие только в 2005 году.

— Кстати, для несведущего очень трудно определить, чем один атлет лучше другого. Какие критерии здесь являются главными?

— Судьи оценивают по целому комплексу признаков: это и мышечная масса, и пропорции, и симметрия, и качество мышц. Только их гармоничное сочетание позволяет спортсмену при демонстрации семи обязательных поз получить высокую оценку.

— Сегодня в Чеченской Республике очень много молодежи увлекается бодибилдингом. Что бы вы могли им посоветовать для достижения хороших результатов?

— Прежде всего, этот вид спорта требует высокой внутренней дисциплины. Необходимо выработать строгий режим дня, в котором все должно быть расписано по минутам: время и количество занятий, 4–5 разовое питание, сон не менее 8–9 часов в сутки и т.д. К сожалению, в республике сейчас нет хороших специалистов в этом виде спорта, поэтому я бы порекомендовал нашей молодежи запастись хорошим объемом спортивной литературы,

благо ее сейчас предостаточно. Надо многое знать о правильном питании, методиках тренировок, использовании пищевых добавок. Ведь, как известно, бодибилдинг переводится как «построение тела», а в строительстве мелочей не бывает: небольшой перекос в ту или иную сторону может нанести непоправимый ущерб всему строению.

Надеюсь, что когда закончу выступать, я приеду домой и открою школу бодибилдинга. Хотя и сегодня я готов консультировать наших ребят, направлять их, помогать осваивать новые программы подготовки. Хочется, чтобы и чеченские спортсмены добивались самых больших высот в этом виде спорта.

Саид-Хамзат ГЕРИХАНОВ

Центр экстремальной журналистики Союза журналистов России:
Телефоны: (+7 495) 637 7626, 637 3550, 911 7190 Факс: (+7 495) 637 7626
Адрес электронной почты: center@cjes.ru Веб-сайт: www.cjes.ru
Адрес: Россия, Москва, Зубовский бульвар, 4,
подъезд Союза журналистов России, офис 101

Prague Watchdog:
<http://journal.watchdog.cz>, mail@watchdog.cz, +420-602-565-074
Saratovska 33, 100 00 Prague 10, Czech Republic